

Мировой бестселлер

*Меню
лица*

ЭМИ ХАРМОН

Романы Эми Хармон

Эми Хармон

Меняя лица

«Издательство CLEVER»

2016

УДК 82-311.3
ББК 84(7Сое)

Хармон Э.

Меняя лица / Э. Хармон — «Издательство CLEVER»,
2016 — (Романы Эми Хармон)

ISBN 978-5-00115-361-0

В тринадцать лет Ферн влюбилась на всю оставшуюся жизнь. Его звали Эмброуз Янг, и он был самым красивым парнем в школе. «Он никогда не обратит на меня внимание» — так думала девочка с непослушными рыжими кудрями, брекетами и в очках с толстыми линзами. Но время шло, и все неумолимо менялось: их жизни, их мечты, их лица. Однажды Эмброуз проснулся монстром, а Ферн превратилась в настоящую красавицу... Это история о вечной любви. Это история о внутренней красоте, столь величественной, что внешняя красота никогда с ней не сравнится.

УДК 82-311.3
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-00115-361-0

© Хармон Э., 2016
© Издательство CLEVER, 2016

Содержание

Пролог	6
1. Суперзвезда или супергерой	7
2. Быть бесстрашным	12
3. Работать под прикрытием	18
4. Познакомиться с Гераклом	23
5. Укротить льва	29
6. Посмотреть мир	33
7. Потанцевать с девушкой	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эми Хармон

Меняя лица

Семейству Рус:

Дэвиду, Энджси, Аарону, Гарретту и Кэмерон

*Я лишь один из многих,
Но все же кое-что значу.
Я не могу сделать все на свете,
Но могу предпринять хоть что-то.
И именно потому, что я не могу осуществить все,
Я сделаю хотя бы то, что в моих силах.*

Эдвард Эверетт Хейл

Amy Harmon
Making faces

Перевод с английского Алины Яковенко под редакцией Галины Кучиной, Ирины Рожновой и Натальи Гареевой

Перевод стихотворений Эми Хармон Елены Фельдман

MAKING FACES © 2013, 2016 by Amy Harmon

This edition published by arrangement with Amy Harmon and Dystel, Goderich & Bourret.

Опубликовано по согласованию с агентством Andrew Nurnberg Literary Agency

Фото на обложке: Aleshyn_Andrei/Shutterstock

Cover design by Murphy Hopkins

ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2018

CLEVER

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2018

Пролог

– «Древние греки верили, что после смерти все души, и злые, и добрые, отправлялись в Подземный мир, в царство Аида, и оставались там навечно, – читал вслух Бейли, скользя глазами по строчкам. – Вход в подземный мир сторожил Цербер – огромный злой трехголовый пес со змеиным хвостом».

Бейли поежился от вспыхнувшей в голове картинки. Интересно, испугался ли Геракл, когда впервые увидел этого зверя и осознал, что должен уничтожить его голыми руками?

– «Это был последний, двенадцатый подвиг – самое трудное испытание. Геракл знал: ему предстоит спуститься в Подземный мир, встретиться с духами и чудовищами, одолеть демонов и всех мифических созданий, каких встретит на пути, но, возможно, он никогда больше не вернется в мир живых. Впрочем, смерть не страшила его. Геракл много раз смотрел ей в глаза, не в силах дожидаться того дня, когда закончится его бесконечное рабство. Он отправился в путь, тайно надеясь встретить в царстве Аида души тех, кого он любил, а потом лишился, за что сейчас и расплачивался».

1. Суперзвезда или супергерой

Первый день в школе. Сентябрь, 2001

В школьном спортзале было так шумно, что Ферн приходилось склоняться к самому уху Бейли и кричать, чтобы быть услышанной. Бейли вполне смог бы протиснуться сквозь толпу на своей инвалидной коляске, но Ферн решила катить ее сама, чтобы ненароком не потеряться.

– Видишь Риту? – прокричала она, шаря глазами по сторонам.

Рита знала, что им нужно сесть где-то на нижней трибуне, чтобы Бейли мог примоститься рядом. Наконец Бейли ткнул куда-то пальцем, и Ферн посмотрела в указанном направлении: подруга неистово махала им руками, так что ее грудь колыхалась, а пышные светлые волосы разметались по плечам. Пробравшись к ней, Ферн оставила коляску и уселась на второй ряд, прямо за Ритой, Бейли же пристроился у края лавки.

Ферн терпеть не могла спортивные сборища. Невысокую и хрупкую, ее постоянно толкали и зажимали, где бы она ни сидела. Вопить и топтать ногами ей тоже было неинтересно. Она вздохнула, морально готовясь к гвалту, громкой музыке и яростной игре футбольных команд.

– Прошу всех встать на время исполнения национального гимна, – прогудел голос.

Микрофон протестующе зафонил, заставляя всех сморщиться и зажать уши. Зал притих.

– Сегодня нас ждет нечто особенное, мальчики и девочки, – усмехнулся в микрофон Коннор О’Тул, также известный как Бинс.

Бинс был из тех, кто всегда что-то затевает, и у него не было недостатка в людском внимании. Он был наполовину ирландцем, наполовину латиноамериканцем, так что его вздернутый нос, сияющие ореховые глаза и дьявольская ухмылка довольно плохо сочетались со смуглой кожей. А еще Бинс любил поговорить и явно наслаждался минутой славы у микрофона.

– Наш с вами общий друг, Эмброуз Янг, проиграл пари. Он обещал спеть гимн, если мы победим в первом матче. – После этих слов трибуны оживились. – Но мы победили не только в первом матче, а еще и во втором! – Зрители заревели. – Поэтому Эмброуз Янг, человек слова, сейчас будет петь, – закончил Бинс, помахав микрофоном в сторону друга.

Бинс – коротышка. Несмотря на то что он учился в выпускном классе, он был одним из самых невысоких футбольных игроков, и больше годился для борьбы, чем для футбола. Эмброуз, тоже выпускник, возвышался над Бинсом, словно башня, каждый его бицепс в объёме был размером с голову Бинса. Он походил на тех парней, которых обычно рисуют на обложках любовных романов. Даже имя у него было подходящее для героя дамского чтива. Ферн точно это знала: она прочла тысячи таких книг. Альфа-самцы, стальные мускулы, горящие взгляды, счастливые развязки. Но никто не мог сравниться с Эмброузом Янгом. Ни в романах, ни в реальной жизни.

Для Ферн Эмброуз Янг был воплощением красоты – греческий бог среди простых смертных, героев фильмов и сказок. В отличие от других ребят, он носил вьющиеся волосы до плеч и время от времени отбрасывал их назад, чтобы они не падали на карие глаза с густыми ресницами. Из-за почти квадратной челюсти его сложно было назвать красавцем. Однако рост метр девяносто и вес девяносто пять килограммов в восемнадцать лет впечатляли, не говоря уже о мышцах.

Ходили слухи, что мать Эмброуза, Лили Грэфтон, отправившись в Нью-Йорк на поиски славы, связалась там с итальянским манекенщиком, который снимался в рекламе нижнего белья. Однако они расстались, как только итальянец узнал, что Лили беременна. Покинутая и в положении, она вернулась в родной город, где очутилась в объятиях своего старого друга Эллиота Янга. Он с радостью женился на ней и спустя шесть месяцев принял ее новорожденного сына. Соседи пристально следили за тем, как рос малыш, и вскоре обнаружили: у низко-

рослого и светловолосого Эллиота Янга смуглый сынишка с темными глазами. С годами его фигура все больше напоминала фигуру топ-модели нижнего белья.

Четырнадцать лет спустя Лили бросила Эллиота и вернулась в Нью-Йорк, чтобы найти настоящего отца Эмброуза. Ни для кого это не стало неожиданностью. Удивительным было другое: четырнадцатилетний Эмброуз остался в Ханна-Лейк с Эллиотом. К тому времени он уже стал заметной фигурой в маленьком городке, и люди поговаривали, что именно поэтому не уехал. Эмброуз метал копье, как герой мифов, и с легкостью расчищал себе путь на футбольном поле. Еще в младших классах он вывел свою бейсбольную команду на районные соревнования, а к пятнадцати годам мог забрасывать слэм-данк¹. Но именно борьба сделала Эмброуза Янга настоящей знаменитостью в городке Ханна-Лейк штата Пенсильвания – в городке, где жители закрывали свои кафе и магазинчики ради местных поединков и следили за рейтингом штата очень внимательно, будто от него зависел выигрыш в лотерею. В городке, где все были одержимы борьбой, как жители Техаса – футболом.

Когда Эмброуз взял микрофон, зрители замерли, ожидая, что Эмброуз обойдется с гимном жестоко. Все знали, что этот парень силен, привлекателен, знали о его успехах в спорте, но никто ни разу не слышал, как он поет. Тишина была пронизана ожиданием, кружившим голову. Эмброуз откинул волосы и засунул свободную руку в карман, словно ему некомфортно. Затем остановил взгляд на флаге и начал петь.

– «О, скажи, видишь ты в первых солнца лучах...»²

И снова по трибуне прокатился вздох. Не потому, что Эмброуз пел плохо. Потому что он пел потрясающе и голос его был так же прекрасен, как он сам: мягкий и глубокий, с невероятно насыщенным тембром. Если бы горький шоколад мог петь, он звучал бы точно как Эмброуз Янг.

Этот голос окутал Ферн, увлек за собой, и она, покрывшись мурашками, невольно зажмурилась за толстыми стеклами очков. Это было великолепно.

– «Еще есть храбрецы... – голос Эмброуза достиг пика, и Ферн почувствовала себя так, словно взобралась на Эверест, обессиленная, но воодушевленная, – ...в ком свобода жива!»

Зал заревел, но Ферн все еще наслаждалась последней нотой.

– Ферн! – прозвенел рядом голос Риты. Она толкнула ногу подруги, но та не обратила внимания, растягивая момент, который разделила, как ей казалось, с самым прекрасным голосом на планете.

– У Ферн первый оргазм, – фыркнула одна из подружек Риты.

Ферн распахнула глаза. Рита, Бейли и Синди Миллер тарачились на нее, широко улыбаясь. К счастью, из-за аплодисментов и восторженных криков никто вокруг не услышал оскорбительного комментария Синди.

Щуплая и бледная, с ярко-рыжими волосами и невыразительными чертами лица, Ферн знала, что была серой мышкой, о которой не станет мечтать ни один парень. Детство ее прошло без особых происшествий или драм благодаря тому, что она прекрасно осознавала собственную заурядность.

Родители Ферн, прямо как Захария и Елисавета³, уже не надеялись зачать ребенка. И вдруг судьба улыбнулась им. Пятидесятилетний Джошуа Тейлор, известный и любимый в небольшом городке Ханна-Лейк пастор, жил со своей сорокапятилетней женой Рейчел вот уже пятнадцать лет. Когда она со слезами на глазах сообщила ему о беременности, Джошуа онемел от счастья, у него отвисла челюсть, а руки затряслись. Он бы подумал, что жена его разыгры-

---

¹ Вид броска в баскетболе при котором игрок выпрыгивает вверх и одной или двумя руками бросает мяч сквозь кольцо сверху вниз. – *Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.*

² Поэтический перевод М. Наймеллера.

³ Родители Иоанна Крестителя.

вает, но ее лицо сияло безмятежной радостью. Девочка, настоящее чудо, появилась на свет семь месяцев спустя, и это событие праздновал весь город. Ферн видела в этом иронию судьбы: когда-то ее считали чудом, но с тех пор ничего чудесного в ее жизни не произошло.

Она сняла очки и стала протирать их краешком футболки. Пусть смеются. У нее и в самом деле кружилась голова от эйфории, как бывает при чтении хорошей любовной сцены. Ферн Тейлор влюбилась в Эмброуза Янга, едва услышав его голос. Тогда ей было десять лет. Но сегодня его красота перешла на совершенно новый уровень, и Ферн не переставала удивляться, как у одного человека может быть столько талантов?

Август, 1994

Ферн подошла к дому Бейли. Она закончила читать последнюю книгу из тех, что взяла на прошлой неделе в библиотеке, и ей было скучно. Бейли неподвижно сидел на бетонных ступеньках, ведущих к входной двери, и сосредоточенно смотрел на существо, ползающее перед ним по дорожке. Очнулся он лишь тогда, когда Ферн чуть не наступила на предмет его внимания. Бейли вскрикнул, а Ферн, увидев огромного коричневого паука всего в паре сантиметров от своей ноги, завизжала. Паук пополз дальше, медленно преодолевая длинную асфальтовую дорожку. Бейли следил за ним уже полчаса, не подходя слишком близко, потому что это, в конце концов, паук, к тому же гигантский.

Таких больших пауков Ферн еще не видела. Его туловище было размером с пятицентовую монету, но вместе с ногами тянуло на пятидесятицентовую, и Бейли, казалось, это восхищало. Что ж, он ведь мальчишка. Ферн присела рядом, наблюдая за тем, как паук неторопливо переползает дорожку. Он петлял, словно старик, вышедший на прогулку. Без спешки и страха, без цели, умудренный опытом «пешеход» осторожно разгибал длинные тонкие лапки, прежде чем сделать шагжок. Дети наблюдали за ним, завороженные его жутковатой красотой. Эта мысль поразила Ферн: паук был красив, хоть и пугал ее.

– Он классный, – восхищенно сказала она.

– Ага! Потрясний, – ответил Бейли, не отводя глаз от паука. – Вот бы у меня было восемь ног. Интересно, почему у Человека-паука не выросло столько после того, как его укусил радиоактивный паук? Этот паук дал ему клевое зрение, силу, умение плести паутину. Почему не дал дополнительных ног? О! А вдруг паучий яд может вылечить мышечную дистрофию и если я дам этому пауку меня укусить, то стану большим и сильным? – Бейли всерьез задумался, почесав затылок.

– Хмм... я бы не стала рисковать, – пожала плечами Ферн.

Они были так зачарованы пауком, что не заметили мальчика, который приблизился к ним на велосипеде. Ему стало интересно, почему Ферн и Бейли замерли. Он слез с велосипеда, положил его на траву и проследил за взглядом ребят. А когда увидел огромного коричневого паука, шагавшего по дорожке перед домом вспомнил, что его мама до ужаса их боится и заставляет его убивать их. Вдруг, ребята не могут пошевелиться, потому что тоже до смерти испугались? Он может их спасти. Он подбежал и раздавил насекомое большой белой кроссовкой.

Две пары испуганных глаз уставились на него.

– Эмброуз! – в ужасе воскликнул Бейли.

– Ты убил его! – ошеломленно прошептала Ферн.

– Ты убил его! – закричал Бейли, поднимаясь на ноги. Он взглянул на коричневую кашницу – все, что осталось от паука, который заворачивал его последний час жизни. – Мне нужен был его яд! – Бейли все не мог расстаться с мыслью о целительной силе пауков и супергероях. А потом, к удивлению ребят, он разрыдался.

Эмброуз, открыв рот, смотрел на Бейли, пока тот на дрожащих ногах поднимался по ступеням в дом. Когда дверь захлопнулась, Эмброуз закрыл рот и засунул руки в карманы шорт.

– Прости, – сказал он Ферн, – я думал... я думал, он испугал вас до смерти. Вы сидели, уставившись на него. А я не боюсь пауков. Я просто пытался помочь.

– Может нам похоронить его? – спросила Ферн, глаза за огромными очками были полны скорби.

– Похоронить? – удивился Эмброуз. – Он что, был домашним животным?

– Нет. Мы его только что встретили, – серьезно ответила Ферн. – Но, может, Бейли от этого станет лучше.

– Почему он так расстроился?

– Потому что паук умер.

– И что? – Эмброуз не хотел грубить. Он и правда не понимал. И эта рыжая девочка с сумасшедшими кудряшками немного пугала его. Он раньше видел ее в школе и знал ее имя, но они были не знакомы. Может, она была особенной? Его папа всегда говорил, что нужно относиться по-доброму к особенным детям, потому что они не виноваты в том, что они такие.

– Бейли болен. Его мышцы слабеют с каждым днем, и он может умереть. Ему становится плохо, когда кто-то умирает, – просто и честно сказала Ферн. Хотя ее слова прозвучали весьма по-умному.

Эмброуз вдруг понял, почему Бейли не пошел в секцию борьбы – из-за болезни. Ему стало грустно, и он присел рядом с Ферн.

– Я помогу тебе его похоронить.

Ферн вскочила и побежала по траве к своему дому, прежде чем он успел закончить это предложение.

– У меня как раз есть подходящая коробочка! Попробуй пока отскрести его от асфальта! – крикнула она через плечо.

Эмброуз нашел кусочек коры на клумбе возле дома Шинов и попытался соскоблить коричневую кашицу. Через полминуты вернулась Ферн, держа в руках круглую белую коробочку для колец, и Эмброуз положил останки на девственно белый хлопок. Затем она захлопнула крышку и торжественным жестом позвала Эмброуза за собой. Он последовал за ней на задний двор, где они выкопали ямку в дальнем углу сада.

– Наверно, хватит, – сказал Эмброуз, забрав из рук Ферн коробочку и опустив ее в землю. Они уставились на белое пятно.

– Может, споем? – предложила Ферн.

– Но я знаю только одну песенку про паука.

– Итси-Битси?⁴

– Да.

– Я тоже ее знаю.

Ферн и Эмброуз начали петь песню о пауке, которого смыло дождем в водосточную трубу, но который смог выбраться наверх, когда солнце выглянуло из-за туч. Допев, Ферн взяла Эмброуза за руку.

– Нужно прочесть небольшую молитву. Мой папа пастор. Я знаю, как это делается, так что прочитаю.

Эмброузу было странно держать ее за руку – влажную, испачканную землей и очень маленькую. Он хотел было воспротивиться, но тут Ферн начала говорить, зажмурив глаза и нахмутив брови.

---

⁴ Itsy Bitsy Spider – английская детская песенка про паучка.

– Отец Небесный, мы благодарны Тебе за все, что Ты создал. Нам нравилось наблюдать за этим пауком. Он был классным и дарил нам радость, пока Эмброуз его не раздавил. Спасибо Тебе за то, что даже уродливых существ Ты делаешь красивыми. Аминь.

Эмброуз не стал жмуриться – он таращился на Ферн. Она открыла глаза и мило улыбнулась, отпуская его руку, а потом начала засыпать белую коробочку землей. Тем временем Эмброуз нашел несколько камешков и выложил их в форме буквы П, что означало «паук». Ферн же сложила рядом букву К.

– А что значит К? – поинтересовался Эмброуз.

– Красивый Паук, – ответила она. – Таким я его запомню.

2. Быть бесстрашным

Сентябрь, 2001

Ферн любила лето – ленивые деньки и долгие часы в компании Бейли и книг, но осень в Пенсильвании просто захватывала дух. Сентябрь только вступил в свои права, а листья уже начали менять цвет, и Ханна-Лейк пестрел яркими красками, разбавлявшими темную зелень угасающего лета. Наступил новый учебный год. Теперь они учились в выпускном классе, и до настоящей, взрослой жизни оставался всего год.

Но для Бейли настоящая жизнь была уже сейчас, в эту самую минуту, потому что каждый день тянул его все глубже ко дну. Он не становился сильнее – он слабел. Он приближался не ко взрослой жизни, а к смерти, а потому смотрел на жизнь совсем иначе, чем его сверстники. Он научился жить мгновением, не заглядывая далеко в будущее и не гадая, что могло бы произойти. Большинство детей с мышечной дистрофией Дюшенна не доживают и до двадцати одного.

Его мама переживала, что он по-прежнему посещает школу, рискуя заразиться какой-нибудь болезнью от одноклассников. Но Бейли не мог поднимать руки даже до уровня груди, не говоря о лице, и это частично спасало его от микробов, так что учебу он пропускал редко.

Денег у старшей школы Ханна-Лейк было немного, но с небольшой финансовой поддержкой всех родителей класса Бейли имел все шансы ее окончить и стать одним из лучших в своем потоке. Для него поставили специальный компьютерный стол, ведь с планшетом работать оказалось трудно – если тот падал на пол, Бейли не мог за ним наклониться.

На втором уроке, математике, Бейли и Ферн сидели в последнем ряду, за специальным высоким столом. Предполагалось, что Ферн должна помогать Бейли во время занятий, но на деле все было наоборот. За соседней партой сидели Эмброуз Янг и Грант Нильсон. Ферн немного волновалась оттого, что Эмброуз был так близко. Хотя он даже не знал о ее существовании, несмотря на то что их разделял всего лишь метр.

Мистер Хилди опаздывал. Он часто приходил на их второй урок после звонка, и никого это не волновало. В его расписании не было первого урока, так что по утрам он обычно попивал кофе перед телевизором в учительской. Но в этот вторник он, едва войдя в класс, сразу же включил телевизор, висевший в углу. Телевизор был новый, доска – старая, а учитель – и вовсе древний, поэтому никто не обратил внимания на то, как он уставился на экран, наблюдая за репортажем о крушении самолета. На часах было 9:00.

– Тише, пожалуйста! – рявкнул мистер Хилди, и все разом угомонились.

На экране показывали два высоких здания. Из окон одного валил черный дым и вырывались языки пламени.

– Это Нью-Йорк, мистер Хилди? – спросил кто-то в первом ряду.

– Эй, а Кнадсен сейчас не в Нью-Йорке?

– Это Всемирный торговый центр, – сказал мистер Хилди. – И это был не пассажирский рейс, мне плевать, что они там говорят.

– Смотрите! Еще один!

– Еще один самолет?

Все ахнули одновременно.

– Вот дерь..! – Бейли умолк на полуслове, а Ферн прикрыла ладонью рот, когда второй самолет врезался в другую башню – ту, что еще не была охвачена пламенем.

Репортеры реагировали примерно так же, как ученики в классе, – ошеломленные, сбитые с толку, они пытались найти слова, сказать хоть что-нибудь, освещая события, которые вовсе не были несчастным случаем.

В тот день математикой ребята не занимались. На глазах у класса вершилась история. Вероятно, мистер Хилди считал выпускников достаточно взрослыми для кадров, мелькающих на экране. Несколько десятков лет назад он прошел войну во Вьетнаме и терпеть не мог политику. Вместе с учениками он смотрел, как напали на Америку, но, в отличие от них, оставался бесстрастным. Однако внутри у него все задрожало: он знал лучше, чем кто-либо другой, какова будет расплата за эти события. Впереди война – после такого уж точно, – и она заберет много молодых жизней.

– Разве Кнадсен сейчас не в Нью-Йорке? – снова спросил кто-то. – Он говорил, что они с семьей хотели посмотреть на статую Свободы и кучу других вещей. – Лэндон Кнадсен был вице-президентом союза школьников, игроком футбольной команды и просто парнем, которого все знали и любили.

– Броузи, твоя мама ведь там живет? – внезапно вспомнил Грант, и в его глазах отразилось беспокойство за друга.

Взгляд Эмброуза был прикован к телевизору, лицо казалось непроницаемым. Он кивнул. Мама не просто жила в Нью-Йорке – она была секретарем в рекламном агентстве, в Северной башне Всемирного торгового центра. Он мысленно твердил себе, что с ней все в порядке, ведь ее офис на одном из нижних этажей.

– Может, позвонишь ей? – предложил Грант.

– Попробую. – Эмброуз достал телефон; в школе запрещалось ими пользоваться, но мистер Хилди не возражал.

Все смотрели, как он звонит снова и снова.

– Занято. Наверное, все пытаются дозвониться. – Эмброуз убрал телефон.

Никто не сказал ни слова. Прозвенел звонок, но все остались на своих местах. Несколько ребят из другого класса уже вошли в кабинет, готовясь к третьему уроку, и тоже уставились на экран. Расписание больше не имело никакого значения. Входившие садились прямо на парты и вставали вдоль стен, прикованные к телевизору. И тут обрушилась Южная башня. Она растворилась в огромном расплывающемся облаке – плотном, густом, грязно-белом. Кто-то вскрикнул, все разом заговорили, тыча в экран. Ферн сжала руку Бейли. Кто-то из девочек начал плакать.

Мистер Хилди был бледным как мел. Он окинул взглядом учеников, толпившихся в классе, и пожалел, что включил телевизор. Им, таким молодым, невинным, не нюхавшим пороха, не следовало этого видеть. Он открыл было рот, чтобы приободрить их, но нести чушь было не в его правилах, и он промолчал. Все, что он мог сказать, либо будет откровенной ложью, либо напугает их еще сильнее. Происходящее казалось иллюзией, фокусом с дымом и зеркалами. Но башня исчезла. Хоть сначала самолет врезался в Северную башню, Южная упала первой. Всего через пятьдесят шесть минут после удара.

Ферн сжала ладонь Бейли. Огромное облако дыма и пыли напоминало Ферн дешевую синтетическую вату, которой был набит ее старый плюшевый медведь, выигранный ею на ярмарке. Как-то раз она швырнула им в голову Бейли. Правая лапа у игрушки оторвалась, грязно-белые клочья разлетелись во все стороны. Но происходящее в Нью-Йорке не походило на веселую ярмарку. По темным лабиринтам улиц в панике бегали, словно зомби, люди, их одежду покрывал пепел. Только эти зомби плакали и звали на помощь.

Когда в новостях сообщили, что еще один самолет рухнул возле Шанксвилла – всего в шестидесяти пяти милях от Ханна-Лейк, – ученики начали расходиться, они больше не могли ни смотреть, ни слушать новости. Ребята выбежали из школы и спешили домой – убедиться, что жизнь в Ханна-Лейк продолжается, что их семьи в порядке.

Эмброуз Янг остался в классе мистера Хилди и увидел, как вслед за Южной Башней через час обрушилась и Северная. Мама не отвечала. Каждый раз, когда он набирал ее номер, в трубке звучал лишь странный шум. Он ушел в спортзал. Там, в углу, сидя на сложенном в

рулон мате и почувствовав себя в большей безопасности, он кое-как прочел молитву. Эмброузу было стыдно просить помощи – у Бога сейчас явно и без того хватало хлопот. Проглотив ком в горле, он прошептал «аминь» и еще раз набрал мамин номер.

Июль, 1994

Ферн и Бейли сидели на самом верхнем ряду трибун и лизали фиолетовое мороженое, похищенное из холодильника в учительской. Они следили за тем, как внизу на мате борались спортсмены. Отец Бейли, тренер школьной команды по борьбе, проводил очередной набор в детскую секцию борьбы, но ни Ферн, ни Бейли не взяли: девочкам в этом спорте были не рады, а у Бейли из-за болезни ослабли конечности. В теле здорового человека мышцы после нагрузки быстро восстанавливаются, становясь только крепче от тренировки к тренировке. В теле Бейли ничего такого не происходило. Но недостаточные нагрузки грозили слишком быстрым ослаблением мышц.

Бейли поставили диагноз «мышечная дистрофия Дюшенна», когда ему было четыре, и мать стала следить за его подвижностью, как сержант на плацу. Она заставляла его плавать в спасательном жилете (хоть он и чувствовал себя в воде как рыба), соблюдать режим сна и прогулок, делала все, чтобы сын как можно дольше обходился без инвалидного кресла. Пока что им удавалось обогнать болезнь. В десять лет большинство детей с мышечной дистрофией были прикованы к коляске, а Бейли по-прежнему ходил.

– Может, я и не такой сильный, как Эмброуз, но, уверен, я смогу его побороть, – сказал он, прищурив глаза и сосредоточенно глядя на бой.

Эмброуз Янг выделялся среди остальных как бельмо на глазу. Он был в том же классе, что Бейли и Ферн, хотя ему уже исполнилось одиннадцать. Мало того что он был старше одноклассников – он еще и был на добрый десяток сантиметров выше своих сверстников. Тренировался Эмброуз со старшеклассниками из школьной сборной по спортивной борьбе, которые помогали тренеру с секцией, и держался он очень достойно. Мистер Шин наблюдал за ним со стороны, выкрикивая наставления и время от времени останавливая бой, чтобы продемонстрировать хват или выпад.

Ферн фыркнула и лизнула мороженое, жалея, что не прихватила с собой книгу. Если бы не лакомство, она уже давно бы ушла. Ее мало интересовали потные мальчишки.

– Тебе не побороть Эмброуза, Бейли. Но не грусти, мне тоже его не побороть.

В глазах Бейли полыхала ярость, когда он обернулся к Ферн – так быстро, что подтаявшее мороженое выскользнуло из рук и, испачкав его худые колени, упало на пол.

– Может, у меня и нет больших мускулов, но я очень умный и знаю все приемы. Папа научил меня всему, он говорит, что я мыслю как настоящий борец! – выпалил он, скривив губы и забыв о лакомстве.

Ферн похлопала его по ноге и предложила лизать мороженое.

– Твой папа говорит так, потому что любит тебя. Моя мама тоже говорит мне, что я красивая, потому что любит меня. Но это не так... А тебе не победить Эмброуза.

Бейли вскочил и пошатнулся. Ферн на секунду замерла от страха, представив, как он падает с трибуны.

– Ты и правда некрасивая! – прокричал Бейли, из-за чего Ферн сразу закипела. – Но мой папа никогда не станет врать мне, как твоя мама. Вот подожди! Когда я стану взрослым, я буду самым сильным, самым лучшим борцом во Вселенной!

– Моя мама говорит, что ты не станешь взрослым, а умрешь раньше! – прокричала в ответ Ферн. Она подслушала это как-то раз, когда ее родители думали, что она не слышит.

Бейли скривился и начал спускаться с трибуны, цепляясь за перила и покачиваясь на дрожащих ногах. Ферн почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она встала и пошла следом за ним, хоть он и отводил от нее взгляд. Оба плакали всю дорогу до дома. Бейли

крутил педали велосипеда так быстро, как только мог, делая вид, что не замечает Ферн. Она ехала рядом, то и дело утирая нос липкими руками.

Дома, запинаясь на каждом слове и размазывая по лицу сопли и мороженое, Ферн поведала матери о том, что сказала Бейли. Мать молча взяла ее за руку и повела к соседнему дому – к дому Шинов. Энджи, тетя Ферн и мама Бейли, сидела на террасе и что-то тихо говорила сыну, сидящему у нее на коленях. Рейчел Тейлор опустилась в кресло-качалку и тоже позвала к себе дочь. Энджи посмотрела на Ферн и слегка улыбнулась, заметив фиолетовые разводы на ее щеках. Бейли прятал лицо у мамы на плече. Оба ребенка были уже слишком большими, чтобы сидеть на коленях у мам, но ситуация, казалось, этого требовала.

– Ферн, – мягко окликнула ее тетя Энджи, – я как раз говорила Бейли, что это правда. Он скоро умрет.

Ферн снова пустилась в слезы, и мать прижала ее к своей груди. Ферн чувствовала щекой, как сильно бьется сердце мамы, но лицо тети Энджи оставалось спокойным, она не плакала. Казалось, она уже примирилась с тем, с чем Ферн не могла примириться еще несколько лет после того разговора. Бейли, обнял мать за шею и заскулил. Тетя Энджи похлопала его по спине и поцеловала в макушку.

– Бейли, послушаешь меня минутку, сынок?

Тот, продолжая плакать, посмотрел на мать, а потом на Ферн – с такой злобой, словно все это происходило по ее вине.

– Ты умрешь, и я умру, и Ферн умрет. Ты разве не знал, Бейли? И тетя Рейчел тоже умрет. – Энджи посмотрела на маму Ферн и улыбнулась, извиняясь за это мрачное предсказание.

Бейли и Ферн в ужасе взглянули друг на друга, ошеломленные настолько, что перестали плакать.

– Все живое умирает, Бейли. Некоторые люди живут дольше других. Мы знаем, что болезнь, скорее всего, сократит твои дни. Но никто не знает, сколько каждому из нас отведено.

Бейли поднял на нее глаза. Ужас и отчаяние больше не сквозили в них.

– Как дедушка Шин?

Энджи кивнула, целуя его в лоб.

– Да. У дедушки не было мышечной дистрофии. Но он попал в автокатастрофу, помнишь? Он покинул этот мир раньше, чем нам хотелось бы, но такова жизнь. Мы не выбираем, когда умрем и как. Никому это не подвластно. – Энджи пристально посмотрела сыну в глаза и повторила: – Слышишь меня, Бейли? Никому.

– Значит, Ферн может умереть раньше меня? – с надеждой в голосе спросил Бейли.

Ферн почувствовала, как мать подавила смех, и удивленно посмотрела на нее. Рейчел улыбалась, закусив губу. И тут Ферн поняла, что задумала тетя Энджи.

– Да! – Ферн закивала так сильно, что кудряшки на ее голове пустились в пляс. – Я могу утонуть в ванне, когда буду купаться сегодня вечером. Или, может, я упаду с лестницы и сверну себе шею, Бейли. А может даже, мой велосипед завтра переедет машина. Видишь? Не грусти. Все мы рано или поздно сыграем в ящик!

Энджи и Рейчел хихикали, а на лице Бейли расплзалась широченная улыбка.

– Или, может, ты свалишься с дерева на заднем дворе. Или прочитаешь так много книг, что у тебя лопнет голова! – добавил он.

Энджи рассмеялась и крепко обняла сына:

– Думаю, хватит, Бейли. Мы ведь не хотим, чтобы у Ферн лопнула голова, правда?

Бейли посмотрел на Ферн, всерьез задумавшись над этим вопросом.

– Нет. Думаю, нет. Но я все-таки надеюсь, что она умрет раньше, чем я.

Потом он бросил Ферн вызов и поборол ее на газоне, уложив на лопатки меньше чем за пять секунд. Кто знал? Возможно, он и правда мог победить Эмброуза Янга.

Ноябрь, 2001

Прошли дни и недели после событий одиннадцатого сентября, жизнь вернулась в привычное русло, но что-то было не так. Будто надел любимую рубашку наизнанку – она все та же, но трет в непривычных местах, швы и бирки наружу, цвета бледнее и надпись задом наперед. Но рубашку всегда можно переодеть, а от странного чувства невозможно было избавиться.

Бейли смотрел новости завороченно и в то же время с ужасом. Он часами не вставал из-за компьютера, заполняя страницы своими наблюдениями, записывая историю и облекая нескончаемую фотопленку трагедий в слова. Если Ферн не отрывалась от романов, то Бейли с головой погружался в историю. Еще ребенком он обожал читать о событиях прошлого, зачарованный тем, что над ними не властно время. Книги о короле Артуре, который жил больше тысячи лет назад, словно делали читателя бессмертным. А для мальчика, остро ощущавшего обратный отсчет его дней, бессмертие было чем-то упоительным.

Бейли педантично вел дневники с тех самых пор, как научился писать. Они занимали отдельную полку в книжном шкафу в его спальне. Соседствуя с биографиями других людей, они освещали события его жизни, скрывали мечты и мысли. Однако, несмотря на страсть фиксировать историю, Бейли был, пожалуй, единственным, кто воспринял случившееся философски. Он проявлял ничуть не больше страха, чем обычно. Он все так же был увлечен любимыми занятиями и по-прежнему дразнил Ферн. А когда она обессилела от репортажей о последствиях теракта, он разговорами уводил ее от эмоционального края, на котором, казалось, балансировали все их знакомые.

Ферн часто плакала, боялась, переживала. И не она одна. Возмущение и скорбь переполняли всех. Смерть обрела лицо, и в старшекласниках Ханна-Лейк страх смешивался с негодованием: это был их выпускной год! Это должно было стать лучшим временем в их жизни! Они не хотели бояться.

– Почему жизнь не похожа на мои книги? – жаловалась Ферн, пытаясь уместить на своих хрупких плечах два рюкзака – свой и Бейли, когда они вышли из школы. – Там главные герои никогда не умирают. Если бы они умерли, то история была бы безнадежно испорчена или вовсе оборвалась бы.

– Каждый человек для кого-то главный герой, – стал рассуждать Бейли, прокладывая себе дорогу к ближайшему выходу сквозь переполненный коридор; был ноябрьский вечер. – В жизни нет второстепенных персонажей. Представь, каково было Эмброузу смотреть новости в классе мистера Хилди? Для нас его мама, может, и не самый важный персонаж в истории, но не для него.

Ферн покачала головой, погружаясь в тяжелые воспоминания. Никто из них и представить себе не мог до поры, насколько сильно тот день повлиял на Эмброуза. Он вел себя так сдержанно и спокойно, набирая мамин номер. Никто и предположить не мог. Мистер Шин нашел его в спортзале спустя пять часов после того, как рухнули башни. Остальные уже давным-давно разошлись по домам.

* * *

– Я не могу дозвониться до нее, – прошептал Эмброуз. Казалось, если он повысит голос, то потеряет самообладание. – Что мне делать? Она работала в Северной башне. Башни больше нет. Что, если и ее больше нет?

– Твой отец, должно быть, волнуется. Ты говорил с ним?

– Нет. Он, наверное, тоже места себе не находит. Делает вид, что больше не любит ее. Но это не так. Я не хочу говорить с ним, пока не узнаю, что с ней все в порядке.

Мистер Шин присел (рядом с Эмброузом он казался коротышкой) и приобнял его, готовый просидеть здесь с ним столько, сколько нужно. Тренер завел разговор на отвлеченные темы: о предстоящем сезоне, о соперниках в весовой категории Эмброуза, о сильных сторонах команд в их округе. Они обсуждали что-то незначительное, вроде стратегий других ребят из их команды, и время шло быстрее. Эмброуз отлично держал себя в руках. Неожиданно громко зазвонил телефон, заставив и его, и мистера Шина вздрогнуть и зашарить по карманам.

– Сынок? – голос из трубки звучал достаточно громко, и тренер все слышал, его сердце сжалось от страха. – С ней все в порядке, Броузи. Все хорошо. Она едет к нам.

Эмброуз попытался что-то сказать, поблагодарить отца за хорошую новость, но не смог. Встав, он передал трубку тренеру. Сделав всего пару шагов, снова сел. Майк Шин сказал Эллиоту, что они уже собирались домой, положил трубку и обнял за плечи своего звездного борца. Эмброуз не плакал, но его трясло, словно в лихорадке или каком-то приступе, и Майк всерьез забеспокоился, что этот стресс отразится на его здоровье. Когда Эмброуза отпустило, они с тренером покинули комнату, выключив свет и оставив за дверью трагические события мучительного дня.

* * *

– Мой отец переживает за Эмброуза, – признался Бейли. – Говорит, что он изменился, потерял концентрацию. Я тоже заметил, что, хоть он и выкладывается на тренировках как прежде, с ним что-то не так.

– Сезон ведь только начался, – попробовала защитить Эмброуза Ферн, хоть в этом и не было необходимости: у Эмброуза Янга не было более преданного фаната, чем Бейли Шин.

– С одиннадцатого сентября прошло уже два месяца, Ферн. А он все никак не оправится. Ферн посмотрела на серое небо, тяжело нависшее над их головами, беспокойное в преддверии обещанной грозы. Облака сбивались в плотные тучи, ветер усиливался. Ждать осталось недолго.

– Как и все мы, Бейли. И я не думаю, что когда-либо оправимся.

3. Работать под прикрытием

Дорогой Эмброуз!

Ты чертовски сексуальный и отлично борешься.

Ты мне о-о-очень нравишься.

Хотела спросить, может, потусим как-нибудь вместе?

Целую, Рита

Ферн по-детски сморщила нос и взглянула на Риту: лицо подруги сияло надеждой. Конечно, Ферн была не единственной, кому нравился Эмброуз. Вероятно, из-за его постоянных тренировок, разъездов и соревнований у него было не так уж много девушек. Но эта неуловимость делала Эмброуза еще более завидной добычей, и Рита решила попытать счастья. Она показала Ферн записку – розовый лист бумаги с кучей сердечек, обильно надушенный парфюмом.

– М-м-м... да, сойдет. Но тебе не хочется написать что-то более оригинальное?

Рита растерянно пожала плечами:

– Я просто хочу ему понравиться.

– Но ты ведь написала ему записку, потому что хочешь, чтобы он обратил на тебя внимание?

Рита кивнула. Ферн снова посмотрела на ангельское личико подруги, длинные светлые локоны, ниспадавшие по хрупким плечам и идеальной формы груди – и почувствовала досаду. Она была уверена, что Эмброуз давно приметил Риту.

– Какая же она хорошенькая!

До Ферн доносился с кухни мамин голос. Она разговаривала с тетей Энджи, которая сидела на стуле и смотрела в окошко на Бейли и Риту – те качались на качелях на заднем дворе. Ферн собиралась в туалет, но вместо входной двери зашла через гараж, чтобы проверить черепаху, которую они с Бейли поймали сегодня у ручья. Та сидела в коробке, заполненной листьями, и не двигалась, и Ферн задумалась, может, напрасно они забрали ее.

– Она будто ненастоящая. – Мама Ферн встряхнула головой, ее слова отвлекли Ферн от раздумий о черепахе. – Эти пронзительные голубые глаза, кукольное личико...

– А волосы! Светлые от корней до самых кончиков. Мне кажется, я никогда таких не видела, – восхищалась Энджи. – И при этом она довольно смуглая. Редкое сочетание – белокурые волосы и золотистая кожа.

Ферн было неловко стоять в прихожей, прислушиваясь к разговору двух женщин о Рите, ведь обе они были уверены, что она до сих пор на заднем дворе. Рита переехала в Ханна-Лейк с мамой тем самым летом, и Рейчел, как жена пастора, сочла своим долгом проявить гостеприимство. Она звала их на обеды и приглашала Риту играть со своей дочерью. Ферн нравилась эта милая веселая девочка, которая охотно участвовала во всех затеях Ферн. Сама она редко придумывала что-нибудь интересное, но фантазии Ферн хватало на двоих.

– Кажется, Бейли очарован, – рассмеялась Энджи. – Глядит на нее не отрываясь. Забавно, что детей красота пленит не меньше, чем взрослых. Того и гляди начнет демонстрировать свои приемчики, а мне придется чем-нибудь его отвлекать. Храни его Господь. Он снова умолял Майка записать его в борцовскую секцию. Каждый год одно и то же. Он просит, плачет, а мы пытаемся объяснить, почему нельзя.

Повисло молчание. Энджи погрузилась в свои мысли, Рейчел готовила сэндвичи для детей, гадая, как отвлечь ее от печальных раздумий о Бейли.

– Ферн, кажется, нравится Рита? – Вдохнув, Энджи сменила тему, по-прежнему не спуская глаз с сына, который раскачивался туда-сюда, без остановки рассказывая что-то милой белокурой девочке. – Хорошо, что она нашла себе подругу, а то она все время играет только с Бейли.

Настала очередь Рейчел вздохнуть.

– Бедняжка Ферн.

Ферн уже готова была пойти, куда собиралась, но резко остановилась. Бедняжка Ферн? Она вздрогнула от мысли, что тоже больна, как Бейли, просто мама скрывает это от нее.

– Ей повезло с внешностью куда меньше, чем Рите. Зубы придется исправлять, но пока у нее еще слишком много молочных. Может, когда они полностью сменятся, прикус исправится. А так, боюсь, лет до двадцати пяти ей придется носить брекеты. – Рейчел усмехнулась. – Я порой думаю, не начнет ли она завидовать Рите. Но пока они, кажется, не придают значение разнице во внешности.

– Наша милая, забавная Ферн... – В голосе Энджи слышалась улыбка. – Не найти ребенка чудеснее. Я каждый день благодарю Бога за нее. Настоящее благословение для Бейли. Господь недаром послал их друг другу, Рейчел. Безгранична его милость.

Но Ферн, остолбенев, не услышала последних слов. Она не задумалась о том, что значит быть благословением для кого-то. Она некрасива. Мысль отдавалась в ушах, словно в голове гремели кастрюлями. Она некрасива. Милая, забавная Ферн. Бедняжка Ферн.

– Ферн! – позвала Рита, поведив ладонью перед ее лицом. – Эй? Ты тут? Что мне ему написать?

Ферн отогнала старое воспоминание. Забавно, как прочно некоторые события застревают в памяти.

– А если что-нибудь вроде: «Даже если тебя нет рядом, я вижу только тебя. И думаю только о тебе. Твое сердце так же прекрасно, как и лицо? Твой внутренний мир так же завораживает, как игра мускулов под кожей? Думаешь ли ты обо мне?» – Ферн замолчала и посмотрела на Риту.

Та широко распахнула глаза:

– Здорово! Ты писала так в одном из своих любовных романов?

Рита была одной из немногих, кто знал, что Ферн писала любовные истории и мечтала когда-нибудь их опубликовать.

– Не знаю. Может быть, – смутилась Ферн.

– Вот! Пиши. – Рита, просяив, достала бумагу и карандаш.

Ферн попыталась вспомнить свои слова, но на этот раз выходило даже лучше. Рита хихикала и пританцовывала в предвкушении, пока подруга писала любовное послание. Когда заветный листок оказался у нее в руках, она достала из сумки духи и, побрызгав его, просунула в шкафчик Эмброуза.

Эмброуз ответил не сразу – через пару дней, когда Рита обнаружила наконец в шкафчике конверт. Она вскрыла его дрожащими руками и принялась читать про себя, хмурясь и сжимая руку Ферн все сильнее, словно это было сообщение о выигрыше в лотерею.

– Ферн! Только послушай!
Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены...⁵

---

⁵ Перевод С. Маршака. Дж. Г. Байрон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 2. С. 72.

Ферн удивленно подняла брови, так что они скрылись под слишком длинной челкой.

– Он пишет почти так же хорошо, как ты, Ферн!

– Лучше, – сухо ответила подруга, сдувая со лба непослушный локон. – Тот парень, который написал это, гораздо талантливее меня.

– И подпись: «Э.», – прошептала Рита. – Он посвятил мне стихи! Поверить не могу!

– М-м-м... Рита, это лорд Байрон. Очень известное стихотворение.

Рита заметно расстроилась, и Ферн поспешила утешить ее:

– Но это ведь потрясающе, что Эмброуз цитирует Байрона... в послании... к тебе... – Это действительно потрясло Ферн. Она понимала, что немногие восемнадцатилетние парни станут писать девушкам стихи, пусть и чужие.

– Мы должны ему ответить! Может, тоже кого-нибудь процитировать?

– Может быть. – Ферн размышляла, склонив голову набок.

– Или я могу сочинить что-нибудь сама. – Рита задумалась на пару мгновений, а потом просияла и открыла было рот, но Ферн опередила ее:

– Только не начинай с «розы красные, фиалки синие»!⁶

– Черт. – Рита выпятила нижнюю губу. – Я не собиралась ничего говорить про фиалки! Я хотела сказать: «Розы красные и иногда розовые. Думаю, целоваться с тобой очень здорово».

Ферн рассмеялась и отмахнулась.

– Не стоит отправлять ему такое после «Она идет во всей красе...».

– Сейчас будет звонок. – Рита захлопнула шкафчик. – Напишешь что-нибудь за меня, Ферн? Пожа-а-алуйста! Ты ведь знаешь, что сама я не придумаю ничего путного! – Рита видела, что Ферн сомневается, и умоляла ее до тех пор, пока та не сдалась. Так Ферн Тейлор начала писать любовные записки Эмброузу Янгу.

1994

– Чем занимаешься? – спросила Ферн, плюхаясь на кровать Бейли и окидывая взглядом его комнату.

Давненько она не заходила сюда. Обычно они играли во дворе или гостиной. Стены его комнаты были увешаны борцовской атрибутикой, в основном команды Пенн-Стейт⁷. С ними перемежались фотографии его любимых атлетов, семейные снимки и полки с детскими книгами на самые разные темы, начиная с истории, спорта и заканчивая мифами Древней Греции и Рима.

– Составляю список, – ответил Бейли, не поднимая глаз.

– Что за список?

– Всего того, что я хочу успеть.

– И что ты уже написал?

– Не скажу.

– Почему?

– Потому что это личное, – сказал Бейли без тени раздражения.

– Ну и ладно. Может, я тоже составлю список и не скажу тебе, что в нем?

– Давай, – рассмеялся Бейли. – Но я, скорее всего, угадаю все, что ты напишешь.

Ферн схватила со стола Бейли листок бумаги и нашла ручку с эмблемой Пенн-Стейт в банке с мелочью, камушками и прочими безделушками, стоявшей на прикроватной тумбе. Она написала «СПИСОК» и устала на заголовок.

---

⁶ Стихотворение 1784 г. из коллекции народного фольклора Джозефа Ритсона.

⁷ Университет штата Пенсильвания.

– *Может, прочтешь мне хоть один пункт из своего списка?* – робко попросила она через несколько минут, так ничего и не придумав.

Бейли вздохнул так, словно был взрослым, которого отвлекли от дела, а не десятилетним мальчишкой.

– *Хорошо. Но кое-что из этого списка у меня не получится сделать прямо сейчас. Может, когда я стану старше... Но я очень хочу это сделать. И сделаю!* – решительно сказал он.

– *Ладно. Назови уже хоть что-нибудь,* – взмолилась Ферн.

Ей не удалось ничего придумать, несмотря на прекрасное воображение. Возможно, потому что она каждый день отправлялась в приключения с персонажами книг, которые читала, и собственных историй.

– *Я хочу стать героем.* – Бейли посмотрел на Ферн так серьезно, будто раскрыл ей страшный секрет. – *Пока не знаю, каким именно. Но хочу быть похожим на Геракла или Брюса Баумгартнера*⁸.

Ферн знала, кто такой Геракл. И кто такой Брюс Баумгартнер тоже – благодаря Бейли. Это один из самых любимых его борцов, лучший в тяжелом весе, по его словам. Она с сомнением посмотрела на своего кузена, но вслух ничего не сказала. Геракл был мифическим героем, а таким большим и сильным, как Брюс Баумгартнер, Бейли никогда не стать.

– *А если я не стану героем, то хотел бы просто кого-нибудь спасти,* – продолжил Бейли, не подозревая, что Ферн совсем не верит в него. – *Тогда мою фотографию напечатали бы в газете, и все бы знали, кто я такой.*

– *Я бы не хотела, чтобы все знали, кто я,* – немного подумав, сказала Ферн. – *Я хочу стать известной писательницей, но, наверное, возьму себе псевдоним. Это такое имя, которое ты придумываешь, чтобы люди не узнали, кто ты на самом деле,* – пояснила она на случай, если Бейли был не в курсе.

– *Чтобы сохранить свое имя в секрете, как Супермен...* – прошептал он так, будто вариант Ферн показался ему гораздо круче.

– *И никто никогда не узнает, что это я,* – тихо добавила Ферн.

Это не были обычные любовные послания. Но они были именно любовными, потому что Ферн вкладывала в них всю душу, и Эмброуз, как ей казалось, тоже. Он отвечал честно и откровенно, чем вызвал у Ферн искреннее удивление. Она не писала о том, что Рите и ей в нем нравилось: черты лица, волосы, сила и всевозможные таланты. Она могла бы, но ей хотелось больше узнать о его сущности. Поэтому она осторожно подбирала слова, задавая вопросы, чтобы постепенно пробраться к его сокровенным мыслям. Она понимала, что за игру затеяла, но ничего не могла с собой поделать.

Все началось с простого: кислое или сладкое, зима или осень, пицца или тако. Но потом они перешли к более личному, глубокому, скрытому. Переписка стала напоминать раздевание. Сначала куртки, пиджаки, серьги, бейсбольная кепка. И вот уже пуговицы расстегнуты, собачки на молниях поползли вниз, и вся одежда упала. Сердце Ферн трепетало, ее дыхание учащалось всякий раз, когда они преодолевали новый барьер, когда очередной покров был сорван.

Потерянный или одинокий? Эмброуз выбрал «одинокий», и Ферн ответила: «Я лучше буду потеряна с тобой, чем одинока без тебя, поэтому я выберу потерянный, но с оговоркой». Эмброуз: «Никаких оговорок». Ферн: «Все равно потерянный, потому что одиночество звучит как нечто постоянное, необратимое, а потерю всегда можно отыскать».

---

⁸ Брюс Баумгартнер – американский борец-супертяжеловес вольного стиля, трехкратный чемпион мира. – *Прим. ред.*

Фонари или светофоры? Ферн: «В свете фонарей я чувствую себя защищенной». Эмброуз: «Светофоры меня напрягают».

Никто или нигде? Ферн: «Я лучше буду никем дома, чем кем-то где-либо еще». Эмброуз: «Я выберу “нигде”. Оставаться никем, когда все хотят видеть тебя кем-то, неохота». Ферн: «Откуда тебе знать? Разве ты когда-нибудь был никем?» Эмброуз: «Чтобы стать никем в глазах других, достаточно однажды ошибиться».

Ум или красота? Эмброуз написал «ум», но тут же добавил, что она (Рита) очень красивая. Ферн выбрала красоту, но приписала, что Эмброуз умен.

До или после? Ферн: «До. Ожидание, как правило, лучше, чем результат». Эмброуз: «После. Если все сделать правильно, результат всегда лучше мечтаний о нем». Ферн не знала, прав ли он, и не стала спорить.

Любовные песни или стихи? Эмброуз: «Песни. Ты получаешь два в одном – поэзию и музыку. И под стихи не потанцуешь». Ниже он привел названия своих любимых баллад. Это был внушительный список, и у Ферн ушел целый вечер на то, чтобы скачать их и составить из них коллекцию на CD. Она же выбрала стихи и отправила ему несколько своих творений. Рискованно, глупо, но Ферн раскрыла себя полностью к этому моменту игры и все же продолжила играть.

Наклейки или цветные карандаши? Свечи или лампочки? Церковь или школа? Колокольчики или свистки? Старое или новое? Вопросы не прекращались, ответы прилетали мгновенно. Ферн медленно, с упоением читала новые письма в кабинке женского туалета, а после весь день сочиняла ответ. Она требовала, чтобы Рита читала все послания, и с каждым разом та смущалась все сильнее – как от того, что писал Эмброуз, так и от ответов Ферн. Однажды она возмутилась:

– О чем вы вообще разговариваете? Можешь просто написать, что у него крутой пресс? У него офигенный пресс, Ферн.

Вскоре Рита стала отдавать Ферн записки, равнодушно пожимая плечами, и доставлять ответы Эмброузу, не проявляя ни малейшего интереса. Ферн старалась не думать о прессе Эмброуза и о том, что Рита могла быть с ним знакома. Спустя три недели с того дня, когда было отправлено первое любовное письмо, Ферн шла как-то на перемене к своему шкафчику – забрать домашнее задание. Повернув за угол, она увидела Риту, прижатую к этому самому шкафчику. Та обнимала Эмброуза за шею, а он целовал ее так, будто они только что открыли у себя существование губ... и языка.

Ферн ахнула и повернула назад. Ее чуть не вырвало. Она с трудом проглотила комочек в горле. Нет, дело не в желудке. Болело сердце. И винить в случившемся она могла только себя. Это ее записки заставили Эмброуза полюбить Риту еще сильнее, и все ее сокровенные признания станут теперь предметом для насмешек.

4. Познакомиться с Гераклом

Чуть больше чем через месяц их уловка была раскрыта. Рита начала странно себя вести. Когда Ферн протянула ей очередную составленную с любовью записку для Эмброуза, та не подняла на подругу глаз. Рита с ужасом уставилась на аккуратно сложенную бумажку и даже не попыталась забрать ее.

– М-м-м... вообще-то мне это больше не нужно, Ферн. Мы расстались. Окончательно.

– Расстались? – ошеломленно переспросила Ферн. – Что случилось? Ты... в порядке?

– Да. В полном. Он стал каким-то странным.

– Станным? О чем ты? – Ферн была готова расплакаться, как будто это ее бросили. Она попыталась говорить более ровным голосом.

Но Рита все-таки почувствовала ее беспокойство и, вскинув брови, так что они скрылись под челкой, заверила:

– Ферн, серьезно, все хорошо. Он был скучным. Горячим, но скучным.

– Так скучным или странным? Обычно странные парни как раз не скучные, Рита. – Ферн была растеряна и даже немного зла на Риту за то, что она позволила Эмброузу уйти от них.

Рита вздохнула и пожала плечами, на этот раз взглянув на Ферн с извиняющимся видом.

– Он понял, что не я пишу эти записки. И правда не было похоже, что они от меня. – Теперь она смотрела на подругу с укоризной. – Я не такая умная, как ты, Ферн.

– Ты сказала ему, что это была я? – встревоженно пискнула Ферн.

– Ну... – Рита замаялась и снова отвела взгляд.

– О боже! Ты сказала.

Ферн едва не лишилась сознания прямо посреди толчеи коридора. Она прижалась лбом к холодной металлической дверце шкафчика и велела себе успокоиться.

– Он никак не отставал, Ферн. Он был так зол! Просто в ярости!

– Расскажи мне все. Как он отреагировал, когда ты сказала, что это была я? – Ферн почувствовала подступающую тошноту.

– Он, кажется, немного удивился. – Рита закусил губу и смущенно покрутила кольцо на пальце; Ферн догадалась: «удивился» – это еще мягко сказано! – Прости, Ферн. Он хотел, чтобы я вернула ему все, что он писал тебе. То есть мне. Не важно. Но писем у меня нет. Я отдавала их тебе.

– Ты и в этом призналась? – простонала Ферн, в ужасе прикрывая рот рукой.

– Э-э-э... да. – Рита начала дрожать, на красивом лице явственно читалось страдание. Разрыв с Эмброузом, вероятно, расстроил ее сильнее, чем она хотела признавать. – Я не знала, что делать.

Ферн бегом пустилась в туалет, где закрылась в кабинке, положила рюкзак на колени и уткнулась в него лицом. Зажмурившись, она прогнала накотившие слезы и прокляла себя за то, что влезла в эту историю. Ей восемнадцать! В таком возрасте не прячутся в туалете. Но она не могла сейчас пойти на математику. Ведь там будет Эмброуз! Вряд ли ей удастся остаться невидимкой, как прежде.

Хуже всего то, что каждое слово в записке было правдой. Она лишь немного солгала, потому писала от лица Риты – девушки, способной покорить мужчину фигурой и улыбкой, подкрепив этот образ интеллектом. Ложь была только в этом. На самом деле она была щуплой и невзрачной. Уродиной. Эмброуз, должно быть, почувствовал себя глупцом, вспоминая, какие слова ей посвящал. Они были адресованы красотке. Не Ферн.

* * *

Ферн ждала недалеко от дверей, ведущих в спортзал. Она сложила все записки Эмброуза в большой конверт. Бейли предложил помощь. Он все это время знал об афере, затеянной Ферн и Ритой, и сказал, что сможет незаметно отдать записки Эмброузу по окончании тренировки. Бейли, почетный член команды, вел статистику, помогал тренеру и каждый день посещал тренировки. Его трудно было назвать незаметным, а Ферн не хотелось усугублять ситуацию и смущать Эмброуза перед товарищами по команде. Поэтому она ждала, когда ребята отпустят, прячась в прилегающем коридоре и наблюдая за дверью в спортзал.

Один за другим мальчишки выходили с борцовками, переброшенными на шнурках через плечо, в разной степени одетости – полуобнаженные, без рубашек. Они не обращали внимания на Ферн, и впервые в жизни она этому обрадовалась. Но потом в коридор вышел Эмброуз. Очевидно, он только что принял душ – его влажные волосы блестели. К счастью, рядом с ним шли Пол Кимбэлл и Грант Нильсон. Поли всегда был дружелюбен с Ферн, а с Грантом они вместе посещали некоторые уроки. Он был чуть большим занудой, чем его друзья, и не стал бы поднимать шум из-за того, что Ферн приспичило поговорить с Эмброузом.

Эмброуз застыл, увидев ее. Улыбавшийся секунду назад, он тотчас поджал губы. Друзья притормозили вместе с ним, в растерянности оглядываясь по сторонам. Им даже не пришлось в голову, что причина остановки в Ферн.

– Эмброуз? Можно тебя на минутку? – спросила Ферн так тихо, что сама себя едва услышала. Она молилась, чтобы ей не пришлось повторять вопрос.

Эмброуз слегка повел подбородком, и ребята, уловив намек и с любопытством взглянув на Ферн, двинулись дальше без него.

– Меня тогда Грант подбросит, Броузи! – бросил Поли. – До завтра!

Эмброуз помахал им на прощание. Он смотрел куда-то мимо Ферн, словно хотел поскорее от нее отделаться. Почему этот разговор состоялся не неделей позже, сетовала она? В понедельник ей снимут брекеты, которые она носила три долгих года. Она уложила бы волосы, надела бы контактные линзы. Но сейчас Ферн стояла перед ним с кудряшками, торчащими в разные стороны, в очках и свитере, который не снимала вот уже несколько лет – не потому, что он ей шел, а потому, что в нем было уютно. Плотная бледно-голубая шерсть отнюдь не подчеркивала фигуру и не делала ее привлекательнее. Все это пронеслось в голове у Ферн за доли секунды, когда она со вздохом протягивала Эмброузу большой конверт.

– Вот. Все письма, что ты писал Рите. Они здесь.

Эмброуз взял их. Лицо полыхало злостью, и взглядом он буквально приковал ее к стене.

– Наверное, посмеялась от души?

– Нет. – Ферн поморщилась от того, как по-детски звучал ее голос. Он вполне соответствовал ее хрупкой фигурке и виновато склоненной голове.

– Зачем ты это сделала?

– Я просто предложила Рите помощь. Только и всего. Хотела ей помочь. Ты ей нравился. А потом, кажется, все зашло слишком далеко. Мне... жаль. – Ей и правда было жаль. Жаль до отчаяния, что все закончилось. Что она больше никогда не увидит его почерк, не прочтет его мысли, не узнает его лучше.

– Да. Не важно, – отозвался он.

Ферн и Рита причинили ему боль, сделав из него посмешище. Сердце Ферн ныло. Она не хотела обижать его.

Не сказав больше ни слова, Эмброуз направился к выходу.

– Они тебе нравились? – выпалила она.

Эмброуз обернулся, не веря своим ушам.

– Я имею в виду, пока ты не понял, что это я их пишу. Они нравились тебе? Записки. Он ее уже презирал. Ничто не мешало ей пойти ва-банк. И ей правда хотелось знать.

Эмброуз покачал головой, удивляясь, как ей хватило наглости о таком спрашивать. Он провел рукой по влажным волосам и переступил с ноги на ногу.

– Твои мне очень понравились, – поспешно добавила она, ее будто прорвало. – Я знаю, что они адресованы не мне. Но мне нравилось их читать. Ты забавный. И умный. Ты умеешь меня рассмешить. Или заставить плакать. Я бы хотела, чтобы ты писал их именно мне. Поэтому мне интересно, нравились ли тебе мои письма?

Его взгляд немного смягчился, став менее непроницаемым и смущенным.

– Какая теперь разница? – тихо спросил он.

Ферн пыталась подобрать слова. Конечно, есть разница! Независимо от того, кто писал письма, – если они ему нравились, значит, нравилась и она. В каком-то смысле. Разве не так?

– Потому что... я писала их искренне.

Вот и все. Ее слова заполнили пустой коридор, отскакивая от шкафчиков и линолеума, словно мячики-попрыгунчики. От них было не скрыться, их нельзя было отменить. Ферн почувствовала себя почти обнаженной, стоя перед парнем, в которого ее угораздило влюбиться. Он был ошеломлен не меньше, чем она сама.

– Эмброуз! Броузи! Чувак, ты все еще здесь? – Бинс выскользнул из-за угла, будто проходил мимо.

Но Ферн сразу догадалась, что он слышал каждое слово. Это было видно по его усмешке. Бинс, вероятно, думал, что оказывает услугу, спасая друга от докучливой дурнушки, зовущей его на весенний бал⁹.

– Привет, Ферн. – Бинс сделал вид, что удивлен, увидев ее здесь; Ферн же удивилась, что он знает ее имя. – Подбросишь меня, Броуз? Мой пикап не заводится.

– Да, конечно, – кивнул Эмброуз, и Бинс схватил его за рукав, потащив к выходу.

Ферн вспыхнула от стыда. Она была невзрачной, но не глупой. Эмброуз позволил утащить себя, но вдруг развернулся, подошел к ней и вручил конверт, который она отдала ему минуту назад. Бинс с любопытством наблюдал за сценой.

– Вот. Они твои. Только... не показывай никому, ладно? – Эмброуз улыбнулся – едва заметное движение губ, – а затем вышел из здания. Бинс не отставал от него ни на шаг.

Ферн прижала к груди конверт. Что бы это значило?

* * *

– Спрячь-ка волосы в сетку, сынок, – терпеливо напомнил Эмброузу Эллиот Янг, когда тот, войдя в пекарню через черный вход, бросил свою экипировку возле двери и подошел к раковине, чтобы умыться.

Эмброуз обеими руками убрал все еще влажные волосы назад и обхватил их резинкой – они не должны падать в глазурь или тесто во время работы. Затем натянул поверх хвоста сетку и завязал фартук так, как когда-то давно научил его Эллиот.

– Чем тебе помочь, пап?

– Начни с рулетов. Тесто уже подоспело. Мне надо закончить украшать торт. Я сказал Дафне Нильсон, что он будет готов к шести тридцати, а уже шесть.

– Грант говорил о нем на тренировке. Он близок к нужному весу, так что надеялся урвать кусочек.

Торт пекли ко дню рождения младшего брата Гранта, Чарли. Три шоколадных коржа сверху были украшены персонажами из мультфильма о Геракле. Милый и причудливый, он

---

⁹ Танцы, на которые девушки приглашают молодых людей.

точно должен был понравиться шестилетнему мальчугану. Эллиот Янг знал толк в деталях. Торты у него всегда получались даже красивее, чем на фотографиях в каталоге, стоявшем на стойке у входа в пекарню. Дети обожали листать плотные глянцевые страницы и кланчили у родителей вкусоности к следующему празднику.

Эмброуз пару раз пробовал украшать торты, но у него были слишком большие руки для миниатюрных инструментов. И хотя Эллиот был терпеливым учителем, его сын так и не освоил это искусство. Гораздо лучше он справлялся с ролью пекаря, поэтому сейчас принялся разминать тесто. В крупных пекарнях это делали специальные машины. Здесь такой не было, но Эмброуз не жаловался – ему нравилось скатывать рулеты, а потом укладывать их на противень. Единственное, что убивало его, – запах свежих булочек, доносившийся из духовки. Совмещать работу в пекарне со спортом было непросто.

– Готово. – Эллиот отошел на несколько шагов от торта и посмотрел на часы.

– Выглядит отлично, – сказал Эмброуз, глядя на мускулистого Геракла, который стоял на вершине торта, воздев руки. – Но вообще-то Геракл носил львиную шкуру.

– О, правда? – рассмеялся Эллиот. – Откуда ты знаешь?

Эмброуз пожал плечами.

– Бейли Шин как-то сказал мне. В детстве он фанател от Геракла.

У Бейли на коленях лежала книга. Заглянув в нее через плечо Бейли, Эмброуз увидел полубога-героя, сражающегося с чудовищами. Впору было повесить эти изображения в зале для тренировок – смотрелись бы отлично. На одной иллюстрации герой боролся со львом, на другой – с вепрем. Никто из знакомых Эмброуза не знал о борьбе столько, сколько знал Бейли Шин.

Эмброуз присел на маты возле коляски Бейли и начал шнуровать свои борцовки.

– Что читаешь, Шин?

Бейли испуганно поднял голову. Он был так поглощен книгой, что даже не заметил Эмброуза. С минуту Бейли таращился на него, отметив длинные волосы и футболку, надетую наизнанку. Четырнадцатилетние мальчишки совершенно не заботятся о своей одежде и волосах, но мама не позволила бы Бейли выйти из дома в таком виде. Вдруг он вспомнил, что Лили Янг больше не живет со своим сыном, и поймал себя на мысли, что впервые видит Эмброуза все лето. Тот до сих пор появлялся в секции Шина – это лето не стало исключением.

– Книгу о Геракле, – немного запоздало ответил Бейли.

– Что-то слышал о нем, – Эмброуз закончил завязывать шнурки и встал, как раз когда Бейли перевернул очередную страницу.

– Геракл был сыном греческого бога Зевса, – сказал Бейли, – но его мать – простая смертная. Он прославился своей невероятной силой, а однажды отправился убивать кучу чудовищ. Он победил критского быка. Поборол немейского льва с невероятно твердой шкурой, неуязвимой для всех видов оружия. Уничтожил лернейскую гидру, изловил плотоядных лошадей и разгромил хищных птиц с медными клювами, железными перьями и ядовитым пометом.

Эмброуз прыснул, и Бейли просиял.

– Так говорится в легенде! Геракл был крутым, чувак! Полубог, получеловек, настоящий герой. Его любимым оружием было копье, и он всегда носил шкуру льва, того самого, которого убил, совершая первый подвиг. – Бейли прищурился, взглянув на Эмброуза. – Ты немного похож на него – теперь, когда отпустил волосы. Продолжай отращивать! Может, станешь таким же сильным и грозным, как Геракл. Противники итаны намочат, когда увидят тебя выходящим на мат.

Эмброуз потрогал свои волосы, на которые перестал обращать внимание с прошлой весны. Когда его мать ушла и они с отцом остались вдвоем, он научился жить без всего того, что раньше принимал как должное. Волосы беспокоили его меньше всего.

– Ты ведь много знаешь, а, Шин?

– Ну да. Так уж вышло. Когда ты не можешь ничего, кроме как читать и учиться, кое-что узнаешь. К тому же мне нравится читать о ребятах, которые знают толк в борьбе. Вот, видишь? – Бейли показал ему одну из страниц. – Геракл и его первый подвиг. Кажется, будто он отработывает на этом льве захват.

Эмброуз кивнул, но его внимание привлекла другая картинка с бюстом Геракла. Герой выглядел сосредоточенным, даже грустным, ладонь прижата к груди, как будто у него болит сердце.

– А эта картинка о чем?

Бейли нахмурился в раздумье.

– Называется «Лицо героя». – Он прочел сноску и поднял взгляд на друга. – Наверное, быть героем – это не только веселье.

Эмброуз прочел вслух из-за плеча Бейли:

– «Геракл – самый известный и любимый всеми античный герой. Но читатели чаще всего забывают о том, что свои двенадцать подвигов он совершил, чтобы искупить грехи. Богиня Гера затмила его рассудок, и, обезумевший, Геракл убил жену и двоих детей. Вне себя от горя и чувства вины, он искал способ облегчить страдания».

Бейли застонал:

– Что за глупости? Если бы я лепил скульптуру под названием «Лицо героя», я бы ни за что не сделал его грустным. Я бы сделал его вот таким.

Бейли оскалится и посмотрел на Эмброуза безумным взглядом. Но со светло-каштановыми локонами, голубыми глазами и румянцем на щеках злобное лицо получилось у него не очень. Эмброуз фыркнул и, кивнув Бейли, присоединился к остальным борцам, уже разминающимся на матах. Однако он все не мог забыть бронзовое лицо скорбящего Геракла.

– Что ж, уже слишком поздно, чтобы пытаться сделать из помадки львиную шкуру. Думаю, сойдет и так. – Эллиот улыбнулся. – Мне нужно закончить еще один торт, и пойдем. Не хочу, чтобы ты сгорел на работе.

– Это тебе пора домой, – мягко напомнил Эмброуз.

Отец составил свое расписание таким образом, чтобы к вечеру быть дома. Около двух часов ночи он вставал и ехал в пекарню, работая там до утра. В семь утра его сменяла миссис Любке. Обрато в пекарню он возвращался около трех и работал до семи-восьми вечера. Частенько Эмброуз присоединялся к нему после тренировки, и тогда работа шла немного быстрее.

– Да, но мне не нужно хорошо учиться и ходить на борьбу до и после уроков. Тебе не хватает времени даже на твою симпатичную девчонку.

– Ее больше нет, – пробормотал Эмброуз.

– Вот как? – Эллиот Янг взгляделся в лицо сына, ожидая увидеть печаль, но ничего не обнаружил. – Что случилось?

Эмброуз пожал плечами:

– Скажем, она была не той, кем я ее считал.

– Мне жаль, Броузи, – вздохнул Эллиот.

– Красота или ум? – спросил Эмброуз отца после долгой паузы, ни на секунду не отвлекаясь от рулетов.

– Ум, – тут же ответил Эллиот.

– Ну да, конечно. Поэтому ты выбрал маму? «Потому что она была такой страшной...»¹⁰

Эллиот Янг не ожидал такого поворота, и Эмброуз тут же извинился:

– Прости, пап. Я не имел в виду ничего такого.

¹⁰ Строчка из песни американского рэпера Del Tha Funkee Homosapien. – Примеч. ред.

Эллиот кивнул и попытался улыбнуться, но Эмброуз понял, что задел его. Да, сегодня он просто в ударе. Сначала Ферн, теперь отец. Если так пойдет, скоро придется искупать грехи, что твой Геракл. Он снова вспомнил о скорбном герое, впервые за несколько лет. Но теперь слова Бейли звучали в его сознании так отчетливо, будто были произнесены вчера: *«Наверное, быть героем – это не только веселье»*.

– Пап?

– Да, Броузи.

– Ты справишься здесь, когда я уеду?

– Ты имеешь в виду на учебу? Да, конечно. Миссис Любке будет помогать мне и мама Пола Кимбэлла, Джейми. Она заходила сегодня заполнить анкету сотрудника на неполный рабочий день. Думаю, я возьму ее. С деньгами всегда напряженно, но с твоей стипендией, чуть затянув пояса, мы справимся.

Эмброуз промолчал. Он не был уверен, что, говоря про отъезд, имел в виду университет. Но твердо знал, что уедет.

5. Укротить льва

Плакаты возле мэрии, прямо на пересечении улиц Мейн-стрит и Центральной, гласили: «Вперед, к победе! Возьми штат, Эмброуз!». Не было фраз вроде «Удачи, борцы!» или «Вперед, Лейкерс!». Просто «Возьми штат, Эмброуз!». Джесси увидел в этом плохой знак, хотя остальные ребята в автобусе не придали плакатам значения. Эмброуз был одним из них, капитаном команды. Они знали, что он приведет их к победе на чемпионате штата. И это все, что для них было важно.

Эмброуз встревожился ничуть не меньше, чем Джесси. Он попробовал, как обычно, проигнорировать свое смятение. Они ехали в Херши, штат Пенсильвания, на чемпионат штата, и Эмброуз не мог дождаться его завершения. Может, тогда ему удастся вздохнуть свободно и насладиться покоем. Если бы борьба не выходила за пределы тренировочного зала, он любил бы этот спорт. Ему нравились его история, техника, ощущение, что исход боя только в твоих руках, чувство, охватывающее тебя после честной победы. Нравилась его безыскусность. Но он терпеть не мог кричащих фанатов, их бурный восторг и то, что люди говорят о нем, об Эмброузе Янге, как о какой-то машине для побед.

Эллиот провез его с боями по всей стране. С тех пор как Эмброузу исполнилось восемь, отец вкладывал все деньги в спортивное будущее сына. Не потому что хотел видеть Эмброуза чемпионом, а потому что хотел развить его талант. Эмброузу тоже нравилось так проводить время с отцом, быть борцом, пусть одним из тысячи, и сражаться за медаль. Но в последние годы, когда о нем заговорила вся страна, а жители Ханна-Лейк поняли, что взрастили звезду, он разлюбил спорт. Эмброуз все думал о вербовщике из армии, который приходил к ним в школу в прошлом месяце... Его слова крутились в голове Эмброуза. Как и все в стране, Эмброуз хотел, чтобы террористы заплатили за свои деяния 11 сентября, за смерть трех тысяч человек. Он жаждал правосудия для детей, лишившихся родителей. Он помнил, что пережил сам. Рейс 93 разбился совсем недалеко от Ханна-Лейк, тем самым будто приблизив события того дня к ним.

Штаты вели войну в Афганистане, и поговаривали, что следующей точкой станет Ирак. Кому-то предстояло туда поехать. Кому-то предстояло воевать. Если не Эмброузу, то кому? Вдруг никто не вызовется? Тогда ждать новых терактов? Обычно он старался отгонять от себя эти идеи, но сейчас он был зол и встревожен, в животе урчало, а голова взрывалась от мыслей.

Поесть он мог только после взвешивания. Ему было сложно сбросить вес до 90 килограммов – пришлось сесть на диету. Обычно между сезонами он весил около 96 килограммов, но это давало ему преимущество над соперниками. Даже если к сезону он избавлялся от лишних килограммов, мышцы оставались при нем. Его рост, редкий среди борцов, размах рук и длина ног вынуждали противников надеяться только на свою силу. Вот уже четыре сезона никто не мог его победить.

Мать хотела, чтобы он стал футболистом, как раз из-за рекордных для его возраста параметров. Но футбол отошел для него на второй план с того самого момента, как он впервые посмотрел по телевизору Олимпийские игры в августе 1992-го. Эмброузу тогда было семь лет. Джон Смит¹¹ завоевал в Барселоне свое второе золото, поборов в финале спортсмена из Ирана. Эллиот Янг танцевал по гостинной, маленький человек, нашедший для себя отдушину именно на мате. Он любил борьбу и привил эту любовь сыну. В тот вечер они как раз решили потренироваться дома. Эллиот показал Эмброузу основные приемы и пообещал, что на следующей неделе запишет его в борцовскую секцию мистера Шина.

---

¹¹ Джон Смит (р. 1965) – борец вольного стиля, двукратный олимпийский чемпион (1988, 1992). – *Примеч. ред.*

Автобус задрожал и дернулся, заехав в колдобину, потом вырвался на трассу, оставив Ханна-Лейк позади. Когда Эмброуз вернется домой, все будет кончено. Но затем начнется настоящее безумие: ему придется выбирать, за какой университет бороться, какой профессии учиться, и он не был уверен, что сможет выдержать это испытание. Сейчас он ничего не чувствовал, кроме усталости. Может, если он проиграет в турнире, все оставят его в покое?

Он встряхнул головой. Бинс краем глаза уловил это движение и недоуменно нахмурился, решив, что Эмброузу хочется что-то ему сказать. Эмброуз уставился в окно. Он не проиграет. Этому не бывать. Он не допустит. Стоило ему задуматься о том, чтобы все бросить, раздавался свисток, и он начинал бороться. Эмброуз покажет все, на что способен. Борьба как спорт стоит того. К тому же этого заслуживает его отец, его тренер, его команда, город. Но как же хочется отдохнуть... Хоть немного.

* * *

«Добро пожаловать в Херши, штат Пенсильвания, самый сладкий город¹² на Земле, и в Центр “Джайнт”, где мы наблюдаем за первым днем школьного чемпионата по борьбе», – прогремел голос комментатора над ареной, заполненной участниками, их родителями, друзьями и фанатами. Зрители были одеты в цвета своих школ, размахивали флажками и надеялись на победу. Бейли и Ферн сидели на лучших местах – прямо на матах, разложенных от одного края арены до другого.

По словам Бейли, инвалидная коляска порой давала преимущества. К тому же он сын тренера и его первый помощник, отвечавший за статистику и очень ответственный. Ферн помогала Бейли, если в том появлялась необходимость. Тренер Шин обычно знал, когда Бейли нужно сделать перерыв. Они заранее планировали эти паузы между раундами. Иногда роль помощника Бейли играла Энджи или одна из его старших сестер, но большую часть времени этим занималась Ферн. В перерывах, когда мистер Шин сопровождал сына в туалет, Бейли делился с ним своими наблюдениями за общим положением дел в команде, распределением очков и индивидуальными рейтингами.

Благодаря общей поддержке Бейли не пропустил ни одного соревнования. Мистер Шин же заслужил уважение среди борцов за то, как умело совмещал заботу о команде и сыне. Он шутил, что ему это выгодно: Бейли – прекрасный аналитик. К тому же обожает наблюдать за боями Эмброуза и не пропустил пока ни одного. Сейчас, когда друг вышел на первый бой, Бейли закричал. Эмброуз без труда победит соперника – нет никаких сомнений. Он во всем его превосходит. Однако первые бои всегда были непредсказуемы.

В первом раунде Эмброузу предстояло бороться с парнем из Альтуны, чей результат намного превосходил его последнюю рекордную победу. Он занял третье место в регионе, пробившись на чемпионат штата за счет победы в дополнительном времени. Этот борец не завтракал и, как и всякий, жаждал сбросить чемпиона с пьедестала.

Когда объявили начало, почти все взгляды обратились к дальнему левому углу арены. На ней одновременно шло почти с десятков боев. Эмброуз вел себя как обычно: был агрессивен, нападавал первым, много двигался, постоянно вступая в борьбу с противником, но что-то с ним было не так. Он замахивался слишком рано, не доводил атаки до конца в моменты, когда мог бы получить очки. Здоровяк из Альтуны поднабрался уверенности, когда к концу второй минуты счет по-прежнему был нулевым. Продержаться две минуты на мате с Эмброузом Янгом и не отставать по очкам – это повод для гордости.

---

¹² В Херши находится одна из крупнейших в мире кондитерских фабрик – Hershey’s; знаменита своим шоколадом. – Примеч. ред.

После свистка начался второй раунд, но ничего не изменилось, скорее даже ухудшилось. Эмброуз пытался перетянуть преимущество на свою сторону, но без особого напора. Когда его противник выбрал нижнее положение и смог выбраться из-под Эмброуза, он заработал очко, оставив Янга позади. Бейли ревел и стenal, наблюдая за этим боем, и к концу второго раунда, когда счет по-прежнему оставался 0–1, попытался привлечь внимание Эмброуза, выкрикивая: «Геракл! Геракл! Геракл!»

– Помоги мне, Ферн! – попросил он.

Ферн не любила кричать, но понимала: Эмброуз ведет себя странно. Она не хотела, чтобы он проиграл, и поэтому присоединилась к Бейли. Несколько ребят, сидевших неподалеку от их угла, подключились к их группе поддержки без всяких просьб.

– Геракл! Геракл! Геракл! – ревела трибуна, осознавая, что полубог из Ханна-Лейк как никогда близок к поражению.

За двадцать секунд до финала рефери остановил бой, потому что девяностокилограммовому Льву из Альтуны нужно было перетянуть бинты на пальцах. Так как это была вторая пауза, Эмброуз имел право выбора, с какого положения – нижнего, верхнего или нейтрального – продолжить бой.

Бейли подкатил к краю мата, туда, где стояли два стула для тренеров из Ханна-Лейк. Никто не посмел его остановить. Преимущества коляски. Тебе позволяли больше, чем обычным людям.

– Геракл! – позвал он Эмброуза.

Эмброуз качал головой так, словно не верил своим ушам. Он слушал тренеров, но не слышал их. Когда Бейли вмешался в разговор, три раздраженных взгляда обратились на него.

– Чего ты там кричишь, Шин?

Эмброуз словно оцепенел. Через двадцать секунд его выступление в четвертьфинале пойдет прахом. А он все не мог избавиться от апатии, стряхнуть с себя чувство, что все происходящее нереально.

– Помнишь Геракла? – Бейли не спрашивал, он бросал вызов.

Эмброуз скептически взглянул на Бейли. Очевидно, он был смущен.

– Помнишь историю про льва? – терпеливо продолжал Бейли.

– Нет...

Эмброуз поправил шлем и бросил взгляд на соперника. Тот все еще бинтовал пальцы, пока тренеры забрасывали его указаниями, и старался скрыть свое ликование.

– Этот парень – тоже лев. Горный Лев Альтуны, так? Стрелы Геракла не работали против льва. И твои удары не работают.

– Спасибо, чувак, – сухо пробормотал Эмброуз и направился в центр мата.

– Знаешь, как Геракл победил льва? – громко, чтобы его услышали, крикнул Бейли.

– Нет. Понятия не имею, – бросил через плечо Эмброуз.

– Он был сильнее льва. Он забрался ему на спину и сжал его так сильно, что тот испустил дух!

Эмброуз обернулся, и что-то мелькнуло на его лице. Когда рефери спросил его, в какой позиции он начнет, Эмброуз выбрал верхнюю. Зрители ахнули, весь Ханна-Лейк затаил дыхание, Эллиот Янг выругался, а сердца тренеров рухнули вместе с их надеждами на победу в чемпионате. Все выглядело так, будто Эмброуз хотел проиграть. Нельзя выбирать верхнюю позицию с отставанием в одно очко за двадцать секунд до конца боя. Альтунцу оставалось лишь не дать себя перевернуть или, того хуже, выбраться из-под него и заработать еще очко.

Когда раздался свисток, все словно замедлилось. Движения Эмброуза казались более медленными и точными. Его противник извивался, пытаясь выбраться, но оказался в таких крепких тисках, что забыл про двадцать секунд, легкую победу и славу, которую она могла принести. Он втянул воздух за секунду до того, как Эмброуз вжал его лицом в мат и завернул

левую руку за спину. Тиски сжались еще сильнее, и парень уже подумывал о том, чтобы постучать правой ладонью по мату, как это делали борцы в телевизионных боях. Он вытянул ноги, пытаясь сработать ими как рычагом, но сильный соперник еще сильнее завел его руку за спину, и тот понял: все пропало. Медленно и точно Эмброуз обвился вокруг противника, скрещивая ноги и опрокидывая льва на спину, ни на секунду не ослабив натиска. Руки Эмброуза дрожали от того, с какой силой он держал противника. И вот начался отсчет: один, два, три, четыре, пять. Три очка. Эмброуз вспомнил о Геракле и льве с золотой шкурой и прижал альтунца еще сильнее. За две секунды до конца боя рефери хлопнул ладонью по мату. Готово.

Зал заревел. Все жители Ханна-Лейк утверждали, что не сомневались в победе. Мистер Шин посмотрел на своего сына и просиял, Эллиот Янг едва сдерживал слезы, Ферн поймала себя на том, что сгрызла ногти под корень. Эмброуз помог противнику подняться. Он не радовался и не обнимал своего тренера, но, когда встретился глазами с Бейли, на его лице читалось облегчение, а на губах играла легкая улыбка.

Слава об этом бое летела, как лесной пожар, и крики «Геракл!» сопровождали все выступления Эмброуза, раззадоривая его старых фанатов и притягивая к нему новых. До конца турнира Эмброуз был непоколебим. Казалось, он просто попробовал пройти по краю и понял, что это не для него. Когда он ступил на мат перед финальным боем – последним в его школьной борцовской карьере – вся арена скандировала: «Геракл!»

После, когда рефери поднял его правую руку, руку победителя, а восторженные зрители принялись рассуждать о будущем невероятного Эмброуза Янга, четырехкратный чемпион отыскал тихий уголок, где не было слышно фанфар, спустил майку до пояса, надел темно-синюю футболку с символикой Ханна-Лейк и набросил на голову полотенце. Там-то и нашли его друзья перед награждением.

6. Посмотреть мир

Это было на пустыре – огромный кратер в поле. Обломки уже собрали и увезли. Поговаривали, что обрывки бумаги, мусор, куски одежды и багажа, рамы сидений и искореженные металлические детали были разбросаны в радиусе двенадцати километров от места крушения, а также в подлеске к югу от кратера. Рассказывали, что обломки фюзеляжа застряли в верхушках деревьях и затонули в ближайшем озере. Кто-то из фермеров нашел фрагмент самолета на своем поле. Но мусора больше не было. Все убрали. Камеры, следственные группы и желтая лента исчезли. Пятеро парней и не подозревали, что смогут так беспрепятственно подъехать на машине прямо к месту, где рухнул самолет.

Кратер окружал десятиметровый сетчатый забор, из которого торчали жухлые цветы, а рядом валялись записки и плюшевые игрушки. Прошло уже семь месяцев с одиннадцатого сентября, большую часть табличек, свечей и подарков давно убрали. И все же это место нагнало такое уныние, что восемнадцатилетние парни протрезвели и молча слушали, как ветер шелестит в листве.

Был март, и, хотя солнце с утра выглянуло из-за облаков, весна еще не пришла в южную Пенсильванию. Колючие руки зимы пробирались сквозь одежду и пощипывали кожу. В морозном воздухе витала память о смерти. Они стояли у ограждения, просунув пальцы сквозь сетку и разглядывая кратер, ставший могилой для сорока человек. Парни не были с ними знакомы, но знали несколько имен, несколько историй.

– Я ни черта не вижу, – наконец признался Джесси. Он планировал провести вечер со своей девушкой Марли и, хотя он не был против компании друзей, сейчас внезапно пожалел о том, что не остался дома.

– Шшш! – оборвал его Грант, волнуясь, что их поймают и станут допрашивать. Он с самого начала считал поездку в Шанксвилл глупой затеей. Он предупреждал их, пытался переубедить, но в итоге, как всегда, поехал с ними.

– Может, ты и не видишь ничего... но... ты чувствуешь это? – Поли стоял, закрыв глаза и подняв лицо к небу, словно действительно что-то слышал. Поли был мечтателем, самым чутким из них, на этот раз никто не стал с ним спорить. В холодной темноте повисла священная тишина.

– Кто-нибудь хочет выпить? Я хочу, – прошептал Бинс, нарушив затянувшееся молчание. Он пошарил в кармане куртки и вытащил фляжку, салютуя мемориалу. – Не судите меня.

– Я думал, ты бросил пить! – нахмурился Грант.

– Сезон окончен, приятель. Я официально снова пью, – радостно заявил Бинс, делая большой глоток и потирая расплывшиеся в улыбке губы ладонью. Он предложил фляжку Джесси, и тот отхлебнул, содрогнувшись, когда огненная жидкость добралась до его желудка.

Эмброуз, казалось, единственный, кому нечего было сказать. Он редко говорил, но, когда делал это, его внимательно слушали. На самом деле из-за него они и оказались у кратера этим субботним вечером. С тех пор как в их школе побывал вербовщик, Эмброуз больше не мог ни о чем думать. Ребята сидели тогда на заднем ряду, фыркая и шутя о том, что марш на плацу мог показаться прогулкой в парке по сравнению с тренировками у мистера Шина. Не фыркали и не шутили только Эмброуз. Он напряженно слушал, не сводя глаз с вербовщика, вцепившись руками в колени.

Они заканчивали школу через пару месяцев. Спортивный сезон завершился две недели назад. Ребята не знали, чем себя занять, даже больше, чем обычно. Закончились тренировки, бои, о которых можно мечтать, победы, которыми можно наслаждаться. Всё. Только на Эмброуза имели виды несколько университетов, его оценки и спортивные успехи в равной степени позволяли с ходу поступить в Пенн-Стейт. Только у него было ясное будущее.

Мальчишки стояли на пороге больших перемен, и никому из них, даже Эмброузу, – особенно Эмброузу – не нравилась эта перспектива. Они не были готовы к неизвестному, но неизвестное все равно настигало их. Вскоре пропасть разверзнется и поглотит их целиком. Жизни, которую они знали, настанет конец. Они это чувствовали.

– Что мы здесь делаем, Броузи? – Джесси задал вопрос, который мучил всех.

Четыре пары глаз смотрели на Эмброуза. У него было волевое лицо человека, склонного больше к самоанализу, чем к юмору. Оно притягивало девушек и вызывало скрытую зависть у парней. Но друзья чувствовали себя спокойно в компании Эмброуза, словно им передавалась его уверенность. Не только из-за роста, силы, внешности – того, что он носил длинные волосы вопреки моде и недовольству мистера Шина. Просто в его жизни все шло как надо, и, казалось, так будет всегда.

– Я уезжаю, – сухо сказал Эмброуз.

– Куда? В университет? Да можешь не напоминать. – Грант рассмеялся, но его смех звучал вымученно.

Пенсильвания славилась борцами, и, чтобы получить стипендию, нужно было преуспеть в этом спорте. Грант боролся хорошо, но не отлично: стипендию не дали, а семья не накопила денег на учебу. Ему пришлось бы много и долго работать, чтобы оплатить обучение.

– Нет. Не в университет, – вздохнул Эмброуз, и Грант нахмурился.

– Ч-черт возьми, – прошептал Бинс. Он был уже пьян, но соображал быстро. – Вербовщик! Я видел, как ты говорил с ним. Ты хочешь стать солдатом?

Эмброуз посмотрел на лучших друзей:

– Я даже Эллиоту пока не сказал. Да, я иду в армию. Просто подумал, может, кто-то из вас захочет пойти со мной.

– То есть ты привез нас сюда, чтобы мы расчувствовались? Прониклись духом патриотизма? – спросил Джесси. – Этого мало, Броузи. О чем ты вообще думаешь? А если тебе ногу оторвет или еще что похуже – как ты тогда будешь бороться? Все полетит к чертям! У тебя же все на мази! Гребаный Пенн-Стейт ждет тебя с распростертыми объятиями. Хочешь в Хоукис? Тебя и туда возьмут. Огромного парня, который летает, как бабочка, тяжеловеса настолько быстрого, как будто в нем до сих пор всего шестьдесят килограммов. Сколько ты сейчас выжимаешь на скамье? С тобой никто не сравнится, чувак! Ты должен пойти в университет!

Джесси тоже был чемпионом штата, как и Эмброуз, но Эмброуз получал этот титул не единожды. Четырехкратный чемпион, не побежденный за последние три года, первый борец во всей Пенсильвании, который еще в девятом классе выиграл чемпионат штата в тяжелом весе. Уже тогда он весил семьдесят пять килограммов. Его единственное поражение случилось сезоном раньше, когда его поборол действующий чемпион штата, выпускник. Эмброуз взял реванш в финале. Та победа и вписала его в книгу рекордов.

Джесси взмахнул руками и выругался, выпуская такой поток брани, что даже Бинсу, который за словом в карман не лез, стало не по себе. Джесси все отдал бы, чтобы оказаться на месте Эмброуза.

– У тебя ведь все на мази! – повторил он, качая головой. Бинс передал ему фляжку и похлопал по спине, пытаясь успокоить друга.

На обратном пути ехали в тишине. Вел по привычке Грант. Он никогда не пил и сам вызвался быть водителем как-то раз на вечеринке Бинса, давным-давно, хотя Поли и Эмброуз тоже не увлекались выпивкой.

– Я пойду, – тихо сказал Грант.

– Что? – воскликнул Джесси, нечаянно пролив содержимое фляжки на рубаху.

– Я пойду, – повторил Грант. – Они помогут оплатить учебу, верно? Так сказал вербовщик. Мне нужно что-то делать. Я точно не хочу всю жизнь проторчать на гребаной ферме. А теми темпами, какими я коплю на университет, я закончу его годам к сорока пяти.

– Ты только что выругался, Грант, – прошептал Поли. Он никогда прежде не слышал, чтобы Грант ругался. Никто из них не слышал.

– Давно пора, – воскликнул Бинс, смеясь. – Теперь нам нужно уложить его в постель с девчонкой! Он не может идти на войну, не познав женского тела, – добавил он с лучшим латиноамериканским акцентом Дон Жуана.

Грант вздохнул и покачал головой.

– А ты что думаешь, Бинс?

– Я? О, я все знаю о женском теле, – продолжал Бинс с тем же акцентом, играя бровями.

– Об армии, Бинс. О службе.

– Конечно. Да, черт возьми. Погнали. – Он пожал плечами. – Мне все равно больше нечем заняться.

Джесси застонал и обхватил голову.

– Поли? – Эмброуз не обращал внимания на Джесси. – Ты с нами?

Поли выглядел неуверенным, его преданность друзьям шла вразрез с инстинктом самосохранения.

– Броуз... я любовник, а не боец, – серьезно ответил он. – Все эти годы я выходил на мат только потому, что хотел быть с вами, ребята, и вы знаете, как я ненавижу борьбу. Я не могу себя представить на поле боя.

– Поли, – прервал его Бинс.

– Да?

– Может, ты и не боец, но уж точно не любовник. Ты с девушкой-то не был ни разу. А на парней в форме они клюют.

– Как и на рок-звезд. Я гораздо лучше обращаюсь с гитарой, чем с пистолетом, – возразил Поли. – К тому же ты знаешь, что мама ни за что меня не отпустит.

Отец Поли погиб при обвале шахты, когда ему самому было девять, а его младшая сестра едва умела ходить. Мама тогда вернулась с детьми в родной Ханна-Лейк к родителям.

– Может, ты и ненавижу бороться, Поли, но ты был хорош. И солдат из тебя тоже выйдет отличный.

Поли покусал губу, но ничего не ответил, и в машине снова повисла тишина. Каждый думал о своем.

– Марли хочет, чтобы мы поженились, – сказал Джесси после долгой паузы. – Я люблю ее, но... все слишком быстро. Я просто хочу остаться в спорте. Наверняка какому-нибудь западному университету нужен дружелюбный черный парень, а?

– Она хочет замуж? – удивился Бинс. – Но нам всего по восемнадцать! Пойдем лучше с нами, Джесс. Ты должен возмужать, прежде чем она сделает из тебя подкаблучника. К тому же знаешь, как говорят? Бро превыше всего, – он усмехнулся. Это слово было созвучно с именем Эмброуза.

Джесси вздохнул, сдаваясь.

– А, ну его. Я нужен Америке. Как я могу отказаться?

Парни рассмеялись. Джесси всегда выпендривался.

– Эй, а в армии часом нет сборной по борьбе? – Джесси, казалось, даже забавляла эта мысль.

– Поли? – снова спросил Эмброуз.

Но Пол единственный не поддался на уговоры. Именно его Янгу сложнее всего будет оставить в прошлом.

– Не знаю, чувак. Наверное, мне пора повзрослеть. И мой отец, должно быть, мной бы гордился. Мой прапрадед воевал во Вторую мировую. Но я не уверен, – вздохнул он. – Решение идти в армию пахивает самоубийством.

7. Потанцевать с девушкой

В Ханна-Лейк не нашлось дорогого отеля или другого пафосного места, чтобы отметить там выпускной, поэтому сотнями воздушных шаров, гирляндами, стогами сена, искусственными деревьями, беседками и всем, к чему располагала тематика, украшали школьный спортзал. Тема праздника звучала так: «Надеюсь, вы танцуете...»¹³. Это слова из песни, которая не давала ни малейшего представления о том, как должен быть украшен зал. Гирлянды, шары и беседки в очередной раз спасли выпускной в Ханна-Лейк. Сидя рядом с Бейли и глядя на танцпол в центре спортзала, где кружились пары, Ферн думала о том, что за последние пятьдесят лет на выпускном изменилась разве что мода.

Ферн беспрестанно теребила платье: поправляла декольте и разглаживала складки кремовой юбки, струящейся до самого пола. Когда она качала ногой, ткань ловила свет и отливала золотом. Они с мамой нашли это платье на распродаже в одном из магазинов Питтсбурга. Цену на него снижали уже несколько раз, скорее всего, потому, что оно было сшито на худышек, но такой цвет шел далеко не всем. Зато он отлично подходил рыжим, и на Ферн платье смотрелось просто чудесно.

Она сфотографировалась с Бейли в гостиной Тейлоров с застегнутым под самое горло воротником – так нравилось ее маме, но стоило Ферн выйти из дома, она тут же оголила плечи, впервые в жизни почувствовав себя почти красивой. Но на танец ее все равно никто заранее не пригласил. Впрочем, Бейли тоже не хотел заставлять какую-нибудь девушку с ужасом ждать выпускного. Он говорил это с улыбкой, шутя, но лицо выдавало легкую горечь. Тогда Ферн по-дружески предложила ему пойти вместе. Все же лучше, чем оставаться дома. И что с того, что они двоюродные брат и сестра – их и без того уже считали странными. От этого вечера не стоило ждать романтики, но в конце концов для Ферн нашлись и платье, и кавалер.

Бейли надел черный смокинг, белую плиссированную рубашку и черный галстук-бабочку. Его кудри уложили муссом, и он немного походил на Джастина Тимберлейка времен группы NSYNC...¹⁴ по крайней мере, так казалось Ферн.

Пары покачивались в такт музыке, обнимались и лишь изредка переминались с ноги на ногу. Ферн старалась не думать, каково это – танцевать на своем выпускном, прижавшись к любимому человеку или другу. На секунду она пожалела о том, что «кавалер» не мог ее обнять. Почувствовав укол совести из-за этих мыслей, она с раскаянием посмотрела на Бейли, но его взгляд был прикован к девушке со светлыми волосами, в сексуальном розовом платье с блестками. К Рите. Беккер Гарт, кружа ее в танце, что-то шептал ей на ухо. Его темные волосы контрастировали с ее белокурыми локонами. Многие невысокие парни зачастую самоуверенны и развязны. Таким был и Беккер. Двадцатидвухлетний, он был слишком взрослым для школьных танцев. Но Рита явно увлеклась им, и мечтательное выражение лица, когда она смотрела на него, делало ее еще прекраснее.

– Рита так хорошо выглядит, – улыбнулась Ферн, радуясь за подругу.

– Она всегда хорошо выглядит, – отозвался Бейли, не сводя с нее глаз.

От его слов сердце Ферн сжалось. Может, дело было в том, что она никогда не чувствовала себя хорошенькой. А может, в том, что Бейли увлекся чем-то, к чему, как ей казалось, он был невосприимчив, чему, как она думала, он не придает большого значения. И вот теперь ее кузен, ее лучший друг, соучастник всех ее преступлений, поддался этому, как и все остальные. И если уж Бейли Шин запал на симпатичное личико, Ферн не на что надеяться. Эмброуз Янг точно никогда не взглянет на нее. Мысли опять вернулись к нему... Он тоже здесь, но кажется,

¹³ «I Hope You Dance» – песня американской кантри-певицы Ли Энн Уомэк (2002).

¹⁴ Джастин Тимберлейк был лидером этой популярной группы в 1995–2002 годах. – *Примеч. ред.*

как и Грант с Поли, пришел без пары, а с друзьями. Блистательные, в черных смокингах, с зачесанными волосами, молодые и красивые, друзья праздновали окончание школы со всеми и ни с кем.

– Я приглашу Риту на танец, – внезапно заявил Бейли, выезжая на танцпол. Эта идея только что пришла ему в голову, и он решил поддаться порыву прежде, чем успел передумать.

– Чего?.. – выдавила Ферн.

Она с уважением и страхом наблюдала за тем, как Бейли подъехал на коляске к Рите. Они с Беккером, взявшись за руку, как раз собирались уйти с танцпола. Ферн искренне надеялась, что Беккер не поведет себя, как придурок. Когда Бейли заговорил, Рита улыбнулась и рассмеялась: он умел очаровывать. Беккер оскалился и не останавливаясь прошел мимо Бейли так, будто тот не стоил его внимания. Рита же, не дожидаясь разрешения, осторожно присела на колени Бейли и обняла его за плечи. Зазвучала новая песня – Мисси Эллиот призывала «Включить своего внутреннего фрика»¹⁵, и ребята закружились в кресле. Рита смеялась и все крепче обнимала Бейли, светлые локоны разметались по его груди.

Ферн качала головой в такт музыке и по-доброму посмеивалась над своим смелым другом. Бейли и правда бесстрашный. Учítывая, что Беккер Гарт так и стоял на краю танцпола, недовольно скрестив на груди руки и дожидаясь, когда закончится песня. Если бы Ферн была красивой, она бы подошла и отвлекла его, может, даже пригласила бы на танец, чтобы Бейли не чувствовал на себе его взгляд. Но Ферн некрасива. Ей оставалось только грызть ногти и надеяться, что все обойдется.

– Привет, Ферн.

– О... Привет, Грант.

Она выпрямилась и спрятала руки за спину. Грант Нильсон стоял перед ней, положив руки в карманы брюк. В смокинге он чувствовал себя так же уверенно, как в джинсах.

– Хочешь потанцевать? Бейли ведь не будет против? Раз он танцует с Ритой.

– Конечно! Да!

Ферн поднялась слишком резко и покачнулась на высоких каблуках. Улыбнувшись, Грант вытянул руку, чтобы поддержать ее, а потом окинул ее взглядом с ног до головы. Остановившись на лице, он прищурился в попытке понять, что в нем изменилось.

– Отлично выглядишь, – заметил он с удивлением в голосе.

Спустя всего двадцать секунд заиграла другая музыка. Ферн уже решила, что на этом танцы кончились, но Грант внезапно обнял ее за талию. Ферн обернулась, чтобы посмотреть, отпустил ли Бейли Риту. Но Рита сидела у него на коленях, положив голову ему на плечо, а он медленно огибал другие пары на своей коляске. Очень милый танец.

Беккер стоял возле чаши с пуншем. Губы его скривились, лицо было красным от злости.

– Шину влетит, если он не будет осторожен, – рассмеялся Грант, проследив за взглядом Ферн.

– Я больше волнуюсь за Риту, – призналась она. Ферн побаивалась Беккера.

– Да, наверно, ты права. Нужно быть тем еще психом, чтобы поднять руку на парня в коляске. Но даже если он сунется к нему, то огреbet по полной. Ни один член борцовской команды не станет спокойно на это смотреть.

– Из-за мистера Шина?

– Да. И из-за Бейли. Он один из нас.

Ферн просияла, радуясь, что это чувство взаимно. Бейли любил каждого члена команды и считал себя вторым тренером, талисманом, главным статистом и всеведущим гуру по борьбе.

Следующим Ферн пригласил на танец Поли. Он был мил, немного задумчив, и Ферн понравилось танцевать с ним. Но, когда откуда ни возьмись появился Бинс и тоже предложил

---

¹⁵ «Get Ur Freak on» – песня американской певицы Мисси Эллиот. – *Примеч. ред.*

потанцевать, Ферн задумалась: не шутят ли над ней? Может, кто-то поспорил на нее? Вдруг следующим подойдет Эмброуз, а после они все попросят сфотографироваться с ними, чтобы потом было что вспомнить и покатываться со смеху. Как будто она часть циркового представления.

Но Эмброуз ее не пригласил. Он вообще никого не пригласил. Он возвышался над толпой. Волосы были собраны в прямой низкий хвост. Прическа подчеркивала выразительные черты его прекрасного лица: широко посаженные глаза, ровные брови и сильную челюсть. Поймав на себе взгляд Ферн, он нахмурился и отвернулся. Она не поняла, что сделала не так.

По дороге домой Бейли был молчалив. Он обмолвился, что устал, но Ферн знала: не все так просто.

– Ты в порядке?

Он вздохнул, и Ферн поймала его взгляд в зеркале заднего вида. Бейли не мог водить и никогда не сидел впереди. Обычно Ферн брала фургон Шинов, приспособленный для инвалидной коляски, когда они куда-нибудь уезжали. В нем отсутствовали задние сиденья. По рампе Бейли мог закатиться в машину. Там колеса фиксировались ремнями, чтобы коляска не опрокинулась во время движения. Бейли все это было не очень весело, но они с Ферн привыкли, а иногда к ним присоединялась Рита. Так Ферн не чувствовала себя просто шофером.

– Наверное, нет. Сегодня просто такой вечер, Ферни.

– Реальность слишком жестока?

– Слишком.

– Со мной тоже, – тихо ответила Ферн; эмоции, рвущиеся из груди, встали комом в горле.

Порой жизнь казалась особенно несправедливой, слишком уж грубой и попросту невыносимой.

– Ты вроде неплохо провела время. Тебя сразу несколько парней пригласили на танец...

– Это ты их попросил? – Она вдруг догадалась.

– Да... это я. Ты не злишься? – Бейли и без того казался огорченным, поэтому Ферн, вздохнув, тут же его простила.

– Нет, конечно. Было весело.

– Но Эмброуз не подошел.

– Не-а.

– Мне жаль, Ферн. – Бейли прекрасно знал о ее чувствах и помнил, в каком отчаянии она была, когда раскрылась правда о любовных записках.

– Как думаешь, может ли кто-нибудь вроде Эмброуза влюбиться в такую, как я? – Ферн поймала взгляд Бейли в зеркале, зная, что он ее поймет.

– Только если ему очень повезет.

– Ох, Бейли. – Ферн покачала головой, но была признательна за эти слова и за то, что он говорил всерьез.

Домой ехать не хотелось, и они начали кататься туда-сюда по Мейн-стрит. Свет фар старого синего фургона и одинокие силуэты его пассажиров отражались в темных витринах городских лавочек. Спустя какое-то время Ферн свернула с главной улицы и направила машину в сторону дома, внезапно почувствовав усталость и желание оказаться в своей уютной постели.

– С этим иногда сложно смириться, – вдруг выпалил Бейли.

Ферн ждала, когда он продолжит.

– Сложно смириться с тем, что тебя никогда не будут любить так, как ты того хочешь.

На секунду Ферн решила, что он рассуждает о ней и Эмброузе. Но потом поняла, что речь вовсе не о безответной любви... Не совсем о ней. Он говорил о своей болезни и Рите. О том, что никогда не сможет ей дать и о том, что она бы от него никогда не захотела. Ведь он болен – и никогда не поправится.

– Порой мне кажется, что я больше не в силах это выносить, – голос Бейли надломился, и он замолчал так же внезапно, как заговорил.

Глаза Ферн наполнились слезами, она смахнула их. Въехав в темный гараж Шинов, где над их головами тут же включился свет, она припарковала фургон, расстегнула ремень безопасности и повернулась на своем сидении так, чтобы видеть брата. Лицо Бейли в тени казалось изможденным, и Ферн стало страшно: она вспомнила, что когда-нибудь его не станет. И случится это скоро... Она потянулась и взяла его за руку.

– Бывают такие моменты, как сейчас, Бейли. Когда тебе кажется, что сил не осталось. А потом ты понимаешь: это не так. У тебя всегда есть силы. Ты очень сильный. Ты сделаешь глубокий вдох, проглотить боль, потерпишь еще чуток, и в конце концов у тебя откроется второе дыхание. – Губы дрожали, глаза резало от слез – все это противоречило ее утешительным словам.

Бейли кивнул, но и в его глазах стояли слезы.

– Иногда нужно просто признать, что ты в дерьме. Понимаешь, Ферн?

Ферн кивнула, крепче сжимая его руку.

– Да. И это нормально.

– Нужно просто признать. Встретиться с дерьмом лицом к лицу, – голос Бейли становился жестче. – Смириться с ним, покрутиться в нем, слиться с ним воедино, – Бейли вздохнул.

Ему становилось лучше, когда он ругался. Порой крепкое словечко может стать отличным лекарством.

Ферн слабо улыбнулась.

– Слиться с дерьмом воедино?

– Да! Если так нужно.

– У меня дома есть мороженое «Рокки Роуд». Оно немного похоже на дерьмо. Как насчет того, чтобы слиться с ним воедино?

– Оно и правда похоже на кашку. С этими кусочками орехов... Я за.

– Фу, Бейли!

Бейли крикнул, а Ферн забралась назад, расстегнула ремни, удерживавшие коляску, и открыла раздвижную дверь.

– Бейли.

– Да?

– Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, Ферн.

* * *

Той ночью, сняв сияющее платье, распустив замысловатую прическу и смыв макияж, Ферн перед зеркалом в своей спальне стала разглядывать себя наугад. Она немного вытянулась – почти метр шестьдесят, совсем неплохо. По-прежнему худая, но, по крайней мере, больше не выглядит на двенадцать.

Она улыбнулась, любуясь ровными белыми зубами, ради которых столько страдала. Волосы наконец оправились от летнего кошмара. Решив, что с короткой прической будет меньше проблем, она тогда попросила своего парикмахера Конни подстричь ее под мальчика. Но даже после стрижки волосы остались длинноватыми, и весь выпускной класс она ходила с прической, как у Энни из бродвейского шоу¹⁶ – с кудряшками, торчащими в разные стороны, точно в парике из семидесятых. Теперь же они отросли до плеч, и Ферн собирала их в хвост. Она пообещала себе больше не стричься. Хотела отрастить волосы до самой талии, надеясь,

---

¹⁶ Героиня одноименного мюзикла, который был поставлен в 1977 году.

что тогда кудри под тяжестью немного выпрямятся. Как у Николь Кидман в «Днях грома». Николь Кидман шли рыжие волосы, но она была высокой. Ферн вздохнула и натянула пижаму. Элмо таращился на нее с груди топа.

– Элмо любит тебя! – сказала она себе, изображая, как могла, писклявый голос игрушки.

Может, пришло время купить новую одежду, сменить стиль? Она явно казалась бы старше, если бы перестала носить пижамы с Элмо и купила бы джинсы по размеру и пару футболок, подчеркивающих грудь.

Неужели она по-прежнему некрасива? Или все настолько привыкли видеть в ней дурнушку, что их мнение уже не изменить? Под всеми она подразумевала парней из школы. И в первую очередь Эмброуза.

Ферн села за свой маленький стол и включила компьютер. Она писала новый роман, но с прежним сюжетом. Во всех ее историях принц влюблялся в простолюдинку, рок-звезда отдавал сердце фанатке, президента очаровывала простая школьная учительница, а миллиардер терял голову от продавщицы. Во всех проследивалась общая тема, закономерность, и Ферн не задумывалась, почему так происходит. Обычно она всегда писала от первого лица, легко могла представить себя на месте главной героини, наделяла ее длинными ногами, шелковистыми волосами, пышной грудью и голубыми глазами. Сегодня ее взгляд невольно возвращался к зеркалу, к собственному бледному лицу, усыпанному веснушками...

Она долго таращилась на монитор. Думала о выпускном, о том, что Эмброуз не обратил на нее внимания. Об их с Бейли разговоре в машине – о том, что иногда нужно сдаться окружающему нас дерьму, пусть это и временная капитуляция. О вещах, которые она не понимала, и о том, что чувствовала по отношению к себе. И вдруг сами собой полились слова, рифмы, чувства, которыми она заполнила пустую страницу.

Если мы – создания Божьих рук,
Он смеялся, нас всех творя?
Над ушами, которым неведом звук,
Над глазами, что смотрят зря?
Над ногами, что сделать не могут шаг
И не смогут уже вовек?
Завиток кудрей – это чей-то знак?
Где тут Бог, а где человек?

Если он придумал меня такой,
Он обязан держать ответ.
Для чего был вылеплен облик мой —
Или смысла в нем вовсе нет?
Я – досадный сбой, череда помех;
На беду, зеркала не врут.
Если это кара за прежний грех,
Почему я не помню суд?

Неужели скульптор наш близорук,
Или эти догадки зря?
Если мы – создания Божьих рук,
Он смеялся, меня творя?..¹⁷

---

¹⁷ Перевод Елены Фельдман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.